

Александр

Афанасьев

РОССИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ В ФАНТАСТИКЕ

184

«**ВРЕМЯ**

ИМПЕРИИ»

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЕРИИ РОМАНОВ

книга первая: **ДИКИЙ ВОСТОК**

ВРАТА СКОРБИ

Александр Афанасьев

**Врата Скорби. Книга
первая: Дикий Восток**

«Издательские решения»

Афанасьев А.

Врата Скорби. Книга первая: Дикий Восток / А. Афанасьев —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-551431-8

Мир где 22 июня всего лишь день в календаре, а Холодная война не прекращалась ни на минуту. Маленькое вассальное княжество на стыке огромных империй. Дворяне, для которых жизнь легче пуха, а долг тяжел как гора. Технический прогресс, кроящий историю и жизни людей. Бремя Империи, от которого нельзя уклониться. Целый мир царя Александра Четвертого — на страницах этой книги.

ISBN 978-5-00-551431-8

© Афанасьев А.
© Издательские решения

Содержание

Александр Афанасьев	6
ВРАТА СКОРБИ	6
Часть 1. Дикий Восток	7
Введение	10
Племенная территория (Федерация Южноаравийских княжеств, часть территории современного Йемена). Вассалитет Российской Империи. Район Аденского нагорья. 11 апреля 1949 г.	11
Племенная территория. Шейх Усман	16
За день до этого. Авианосец Ее Величества HMS Invisible.	22
Аденский залив, недалеко от Баб-эль-Мандебского пролива 11 Ночь на 09 апреля 1949 г.	
Йеменское королевство. Порт Аден	25
Племенная территория. Район Аденского нагорья. 11 апреля 1949 г.	28
Племенная территория. Аден	34
Племенная территория. Дорога на Сану. Конвой. 11 апреля 1949 г.	48
НАЧАЛО. Десятью годами ранее. Адана32, бывшая Османская Империя. База стратегической авиации. Май 1939 г.	55
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Врата Скорби

Книга первая: Дикий Восток

Александр Афанасьев

© Александр Афанасьев, 2023

ISBN 978-5-0055-1431-8 (т. 1)

ISBN 978-5-0055-1432-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Table of Contents

Мир, где 22 июня всего лишь день в календаре, а Холодная война не прекращалась ни на минуту. Маленькое вассальное княжество на стыке огромных империй. Дворяне, для которых жизнь легче пуха, а долг тяжел как гора. Технический прогресс, кроющий историю и жизни людей. Бремя Империи, от которого нельзя уклониться.

Целый мир царя Александра Четвертого – на страницах этой книги.

© А. Афанасьев, 2019.

Александр Афанасьев

ВРАТА СКОРБИ

*Продолжение серии романов
«Бремя Империи»*

Часть 1. Дикий Восток От автора

*Это не Дикий Запад
Это – дикий Восток!
Автор*

Начиная седьмую книгу цикла «Бремя Империи» считаю не лишним обратиться к читателям.

Предыдущие шесть книг – были можно сказать историей одного героя – адмирала Воронцова, человека, который никогда не отступал перед трудностями, всегда наносил удар по врагу, когда это было возможно и, работая под разными именами и личинами – всегда оставался самим собой. Нет, сомнения, это достойный человек, но книга – она была не только о нем. Она была, прежде всего, о России, о Российской Империи, которая удержалась на краю пропасти в десятые и двадцатые, не свалилась в братоубийственную бойню, победила в Мировой войне и сохранила за собой то, что удалось приобрести. Следующими книгами серии – я хочу показать, как именно удалось это сделать. Забегая вперед... полагаю, что мне удастся описать и «точку раздвоения», точку, где история этого мира и нашего мира разделились, ответить на вопросы критиков, как удалось решить проблему земли и обездоленного крестьянства. Кого-то этот ответ устроит, а кого-то – нет (прежде всего, по морально-этическим соображениям), но я полагаю этот вопрос дать.

Эта книга – в какой-то степени ответ на засилие книг о «попаданцах», которые я оцениваю чрезвычайно низко. Попаданцев не существует – это раз. Второе – смешно смотреть на то, как автор выводит офисного хомячка, попавшего в иной мир «и умным и красивым», безбожно подыгрывает ему, моментом делает каким-нибудь начальником (а никем больше такие вот «хомячки» себя и не могут представить: не умеешь делать, будешь руководить), переигрывают Вторую мировую, в сорок первом, в крайнем случае в сорок втором – доходят до Берлина, или того круче – после фашистской Германии молодецким усилием еще и с США с Великобританией разбираются. Книжки эти делятся на две категории: художественный бред и просто бред. На мой взгляд – автор должен не заигрывать с читателем, не потакать ему – а показывать, каким можно (и нужно) быть, и чего можно добиться. Читатель должен тянуться к образам, созданным писателем, предпринимать реальные усилия для этого – а не воображать себя невесть кем. Гайдаровские «Тимур и его команда» стали образцом для подражания мальчишек по всей стране – и они ведь реально помогали людям. Вот пример!

В этой книге – я хочу показать читателям, каково на самом деле бремя империи, и как эта империя делается. Как она расширяется, как она утверждается на новых землях, как она относится к своим и как – к чужим. В этой книге не будет ни мудрого и всепонимающего Сталина, ни роялей в кустах, ни героев «всех в белом». Просто потому, что такого в жизни не бывает – не будет и здесь.

Эта книга – попытка ответить на вопрос: а почему Россия единственная среди сверхдержав так проиграла двадцатый век. Нет, есть и другие проигравшие: например Япония, Германия, даже Англия, и в чем-то они проиграли даже сильнее (их империй просто не существует, в то время как у нас Империя хоть сильно усеченная но сохранилась). Но факт есть факт – мы серьезно, почти катастрофически проиграли. Как получилось так, что дважды за век нас, людей, народ – удалось толкнуть против собственной страны? Как получилось так, что дважды интеллигенция предала и страну

и народ? Ведь повелись мы на дешевку, особенно дешево – мы продались в девяносто первом. Не было ни четырех лет тяжелейшей войны, ни «крестьянского вопроса». Просто кто-то истошно заорал: «Ратуйте, граждане! В зоопарке тигру не докладывают мяса!». И мы начали разбираться с несправедливостью, судить и рядить за общим столом, не видя того, что ушлые (со) граждане уже всю мебель вынесли, и теперь крышу в доме разбирают... даже не попытавшись понять, причем мы тут к мясу, и к тигру, и как это вообще всех нас касается. Нас не победили, нас взяли дешево, на справедливость, повели в очередной раз на поиск правды, завели в трясины да там и бросили. Я не знаю, получится ли у меня написать что-то про это на страницах Врат Скорби – но я попытаюсь. Здесь будет немало про правду. Про то, что правда у всех разная: у того, кто сидит перед экраном и возмущается правда одна, у того, кто там был и вынужден был принимать ответственность на себя – другая, у государства, империи, у которой есть враги – правда третья. И не стоит искать какую-то одну, общую правду... споря до хрипоты об этой самой правде, мы как раз и оказались в исторической трясины.

Наверное, немало будет вопросов по технической части, по технике, которая будет описана в этой книге. Кто-то, наверное, обвинит автора в прогрессорстве – одно из любимых обвинений у «попадацев» и любителей «попаданчества». По возможности я буду давать ссылки с описанием тех или иных «артефактов» этого мира, которые докажут, что такие и в самом деле существовали или могли существовать. Что же касается прогресса – на мой взгляд, в этом мире он ничуть не будет уступать тому, который был в нашем. Здесь не пришлось восстанавливать всю Европу после четырех лет окопной войны... представьте себе, сколько рабочих, сколько изобретателей погибло в окопах под пулеметным огнем при Пашендале, сколько денег пришлось потратить на восстановление изуродованных войной стран, по которым как Мамай прошелся. Все это – можно было бы пустить на науку, да и просто на улучшение жизни людей. Не стоит забывать и о том, что в этом мире первая мировая не стала кладбищем империй, а перешла после завершения горячей ее фазы в холодную войну, при том, что ни одна империя кроме Османской и частично Французской не была разгромлена, и почти никакие политические и геополитические задачи из тех, которые призвана была решить война – решены не были. Континентальные державы показали себя непобедимыми на суше, а морские – на море, но ни одна окончательной победы не удержала и все уперлось в стратегический тупик. А как показывает практика – холодная война ничуть не меньше «горячей» способствует прогрессу, и даже я не смог бы никогда стать писателем, не задумавшись американцы о том, как обеспечить управляемость вооруженными силами и связность компьютерных систем после советского ядерного удара.

В этой книге не будет героев и антигероев, равно как не было «плохих немцев» и «хороших русских», просто каждый – был самим собой и преследовал свои цели и мы оказались сильнее. Кто-то, наверное, даже скажет, что я «симпатизирую» англичанам, не показывая их тупыми и бездельными развратниками, а показывая их людьми, у которых есть и свои, вполне обоснованные интересы, и свои вполне обоснованные претензии, и совесть, и честь и мужество – как и у русских. Просто это тоже размышления над тем, как нас «взяли» в девяносто первом. В какой-то момент – мы посмотрели на американцев – и не смогли увидеть в них врага, как нам об этом говорила пропаганда: и это на самом деле было так, это были обычные люди, во многом похожие на нас. Беда в том, что и у них и у нас – были свои ИНТЕРЕСЫ. Интересы, не имеющие ничего общего ни с правдой, ни с враждой, ни с историей. И мы о своих просто забыли, забыли о том, что они есть и их надо отстаивать. Так, за несколько лет из второй сверхдержавы мира мы превратились в «развивающуюся страну». Опыт этого поражения – нами не осознан до сих пор.

Вот как то так. Я надеюсь, что мне удастся выйти за рамки «попаданческой» и даже «приключенческой» литературы и вложить в эту книгу немного философии, немного размышлений о бытии. Надеюсь так же, что вы их поймете, и для кого-то – они будут полезными.

Итак... начали!

Введение

К концу двадцатого века, накрепко построенный мир, отношения в котором были сцементированы решениями Берлинского мирного конгресса, столкнулся с новыми, невиданными доселе угрозами. Больше семидесяти лет не было большой войны. Стратегический ядерный тупик и теория гарантированного взаимного уничтожения закрепили порядок вещей, где многие были недовольны своим положением в мире, многие считали себя ущемленными. Душная атмосфера всеобщего мира многим начинала надоедать – но и напасть в открытую никто не рисковал. Мировой войны 20—22 годов хватило не на то чтобы отрезвить умы, а на то чтобы вселить страх перед открытым противостоянием.

Открытая война все больше сменялась тайной. Мир все больше и больше утопал в трясине терроризма, исламского экстремизма, агрессивного троцкизма, нигилизма, анархизма, контрабанды и сопровождаемых ее пограничных стычек. Все более беспокойно было в вассальных и колониальных странах. Копилась критическая масса – и на новые вопросы требовались новые ответы.

Ответом стал резкий рост влияния частных военизированных структур. Частные структуры были востребованы именно в условиях малых, локальных и вялотекущих конфликтов, где не нужны стратегические бомбардировщики и подводные крейсера, несущие в своем чреве десятки ядерных мегатонн – но нужны были воля решительность, хорошая подготовка и умение решать поставленные задачи быстро, с минимальными силами и средствами, простым вооружением и без причинения вреда гражданским лицам.

В Североамериканских соединенных штатах лидерами рынка стали Блэкуотер и Дин Корп, имеющие контракты в Бразилии, Мексике, Колумбии, Сальвадоре, Никарагуа, на Кубе. В Великобритании лидером рынка была ВотчДог, игравшая все большую роль в Индии, особенно в северной ее части. Но все эти частные лавочки даже вместе взятые не могли сравниться с безусловным лидером этого рынка – с Казачьими войсками Российской империи.

В 1940 году была принята новая редакция закона «О справлении казачьей службы», согласно которому казачьи войска с Высочайшего одобрения могли заключать от своего имени договора на борьбу с бандитизмом, на военное обучение, на охрану и поддержание порядка, на любые другие услуги военного характера, как с вассальными государствами Российской Империи, так и с любыми другими. Первыми были договоры на Ближнем Востоке, дальше пошло по нарастающей – и к концу двадцатого века только казаки Донского казачьего войска присутствовали больше чем в двадцати странах и территориях на трех континентах – в Южной Америке, в Африке и в Евразии. Всего казачьи войска России могли даже без мобилизации выставить до полутора миллионов бойцов, обученных, снаряженных и в большинстве своем имеющих реальный опыт ведения боевых действий. Это была параллельная армия, обученная, вооруженная, с боевым опытом, по численности мало уступающая регулярной – и казне такая армия не стоила почти ничего.

Начиналось же все с малого...

Племенная территория (Федерация Южноаравийских княжеств, часть территории современного Йемена). Вассалитет Российской Империи. Район Аденского нагорья. 11 апреля 1949 г.

Обгрызенные суровым, беспокойным в этих местах ветром горы непоколебимыми громадами закрывали путь путнику, вынужденному униженно выбирать тропу в хаотичном нагромождении валунов. Горы прикрывали эти места от ветров, дующих с Аденского залива, но они не могли прикрыть это место от ветров, дующих со стороны раскаленных аравийских пустынь. Поэтому, когда пересекаешь нагорье и въезжаешь в эти места – перемену климата чувствуешь сразу, и удушливая сушь пустынного воздуха царапает тебе горло, сменяя благословенную прохладу (если мерить мерками пустыни) и влагу узкой прибрежной полосы.

Места здесь не сказать, чтобы богатые – но родники есть и оазисы тоже. Крестьяне, живущие в этих оазисах – темные, неграмотные, набожные, покорные воле Аллаха, в чем бы она не выражалась, из века в век жили в нехитрой круговерти времен года, весной, когда Аллах посылает дождь, и летом лелеяли свои поля, а зимой коротали время до весны, и так было из года в год и из века в век. Все изменилось в средние века, когда построен был за горами, на узкой кромке взморья порт, а в исполинском кратере давно потухшего вулкана вырос город, который называли Аден. Город этот знавал и времена расцвета, и времена заката, кого в нем только не было – арабские мореплаватели, пираты, британцы, голландцы, испанцы. Порт Аден имел стратегическое значение даже тогда, потому что кроме далекого и опасного пути через Мыс Доброй Надежды существовал еще и сухопутный путь для пряностей и даров Востока, начинавшийся именно здесь, в Адене. Путь этот шел по беспокойным землям, но прибыль, которая ожидалась в конце, стоила риска. Восточные пряности отбивали у пищи вкус гнилья – а холодильников тогда в Европе не было, и такой вкус поглощаемая европейцами пища имела часто. Восточные благовония спасали жителей больших европейских городов от нестерпимого смрада, царившего в их городах – ведь все стоки отхожих мест выводились прямо на улицу, и на некоторых улицах упав с лошади можно было утонуть, захлебнувшись в нечистотах. Аден всегда был полон западноевропейскими и восточными купцами и мореплавателями – а вот русских не было, ибо в русских городах были туалеты с ямами в земле и были золотари, вывозившие отходы человеческой жизнедеятельности за пределы города. А пища, в том числе мясная почти не портилась – долгая зима и холодные подвалы давали возможность хранить ее относительно свежей.

Теперь же иронией судьбы, в Адене хозяйствовали именно русские, Бомбейское президентство рухнуло, британцы потеряли почти весь Аравийский полуостров как раз в то время, когда Аден стал портом стратегического значения. Прорытый Суэцкий канал из Красного моря в Средиземное и все увеличивающаяся доля перевозок нефти, крови экономики, морем дали Адену новое дыхание. В отличие от британцев, русские вели себя довольно пристойно, строили все новые и новые терминалы в порту, обустроивали, как могли для жизни и саму страну, поддерживали в ней должный порядок. Вот только Великобритания, окрепшая от унижительного поражения в мировой войне, все более и более настойчиво стремилась вернуть прежнее владычество – не словами стремилась, но делами. Кто контролирует Аден – тот контролирует Красное море, порт Аден как раз перекрывает вход в него. А кто контролирует Красное море – тот почти что контролирует Индию, поскольку кратчайший морской путь из Индии в метрополию идет через Красное море. Русские это знали. И британцы – тоже знали. Поэтому – и не было покоя, что на Аденском нагорье, что на всем Востоке...

Вороной масти жеребец неспешно вышел из-за большого валуна, неся на своей спине ездока. Ездок этот был одет в нечто напоминающее бедуинскую галабию, только не белую, а раскрашенную в буро-желтый цвет здешних гор. В руках у него было не обычное для бедуина одноствольное ружье – а современная полуавтоматическая винтовка Токарева. Человек этот прятался за валуном несколько минут, прислушиваясь и присматриваясь – и только потом хлопнул по шее коня. Умница конь-пятилеток настороженно прядал ушами, казалось он, как и хозяин присматривался, пытаясь найти любую возможную угрозу на покрытых кое-где свежей, еще не выжженной солнцем зеленым склонах. Искал – и не находил.

Конь недовольно фыркнул.

– Спокойно, Донец... – человек склонился к шее коня, – спокойно... Чуешь?

Конь снова фыркнул, тряхнул головой, будто его достали слепни

– Вот и мне беспокойно, – негромко сказал человек, – кубыть смотрит кто.

Человек еще раз осмотрелся потом единым, почти неуловимым взглядом движением, на которое способны только с детства сидящие в седле казаки, не выпуская из рук винтовки и ни на долю секунды не теряя контроля за окружающей его обстановкой.

– Пошел, Донец!

Человек хлопнул коня по шее – и умное животное, повинувшись команде хозяина, потрусило назад, чтобы спрятаться за валун...

Выбрав позицию – тоже за валуном, но меньшего размера, человек залег, снял самодельный, кожаный чехол с оптического прицела винтовки, начал медленно, сектор за сектором осматривать горные склоны, террасы, змеей вьющуюся в горах тропу. Он искал все что угодно – проволоку или леску, протянутую поперек тропы, следы, свидетельствующие о том, что в этом месте кто-то копал, потревоженные, сброшенные со своего места камни, или наоборот – камни сложенные так чтобы образовывать огневую позицию. Короче говоря – любые признаки засады. Человек был внимателен, терпелив и осторожен, он знал, что район этот пользуется дурной славой, что не раз и не два на донском берегу рвал душу плач по казакам, сложившим здесь буйны головы – и он не хотел рисковать. Он искал, смотрел, возвращался к только что просмотренному сектору и снова искал – и не находил.

Ничего.

Не поднимаясь, человек зацокал языком – и словно отвечая ему, сразу же послышалось цоканье копыт его верного коня по камням...

– Все нормально, Донец... – он похлопал коня по шее, и конь повернул к нему морду, вдохнул шумно, улавливая запах хозяина. Не заржал – он никогда не ржал, когда они уходили «на войну», словно понимал что надо соблюдать тишину. Умный был конь.

Человек открыл одну из переметных сумм, наскоро установил антенну рации. Совсем недавно купили. Полезная штука – правда, тяжелая, дорогая, капризная. Берет всего три километра, на равнине десять – но большего и не надо.

Включив рацию – запас батарей надо беречь, и на день не хватает, человек нащупал нужную частоту, на которой работали только казаки, коротко доложил.

– Впереди чисто.

И сразу выключил рацию.

Минут через десять в привычную для местных гор тишину вплелся новый звук – звук подков, стучащих по камням. Полусотня¹ двадцать второго Донского казачьего полка выдвигалась на позицию...

Со времен мировой войны казаки, конечно изменились. Сабли теперь мало кто носил, на место старых трехлинеек пришли автоматические винтовки Федорова и Токарева, авто-

¹ полусотня – 64 коня. Сотня – 128 коней. Полусотня делится на 4 взвода по 16 коней в каждом. Примерно такое же деление – в кавалерийском эскадроне.

маты Симонова – их было только два, пистолеты-пулеметы Дегтярева, которые уважал мало кто из казаков. Трофейные СТЭН, ценимые казаками за легкость и простоту – если удавалось достать патроны, то пользовались ими, а не родными ППД. Кто побогаче – у тех МР38, германские, удобные, ухватистые, неприхотливые и от этого очень дорогие. Вообще то, на вооружении полусотни полагалось быть по две пулеметные подводы, которые кто-то когда-то назвал «тачанками» – но попробуй, протащи такую вот «тачанку» по узким горным тропам, где и конь-то с трудом проходит. Поэтому, основным групповым оружием эскадрона были четыре пулемета – один недавно принятый на вооружение РП-42 и три старых, еще дисковых ДП-27. Все оружие у казаков было не за казенный счет, а за свой – потому и перевооружение происходило медленно. Те же ДП-27 – стреляют? Стреляют. Значит, и к делу годны. Вот когда стрелять перестанут – тогда никуда не денешься, новый покупать придется.

У каждого казака был как минимум один пистолет – у многих по два, потому что в лаве из длинной винтовки не постреляешь – когда еще и конем править нужно, а не только стрелять. Пистолеты были самые разные – ТТ, Маузеры, Кольты, Браунинги. Револьверов не было ни у кого, самым шиком считался двадцатизарядный Маузер с деревянной кобурой. Длинный, на двадцать патронов магазин – долго стреляешь без перезарядки.

Форму здесь никто не носил – не на Дону. Одевание казаки покупали у бедуинов – серо-бурые штаны из плотной ткани, нечто вроде длинного, такого же цвета халата поверх. Чалма – от солнца, на солнце здесь зараз солнечный удар получишь, с коня свалишься. Самодельные переметные сумы на конях с запасом харча и патронов, казачьи широкие ремни с газырями, утыканными патронами, пулеметные ленты, которыми были перепоясаны многие, обоймы в подсумках. Еще нечто вроде переметных сум, но не на коня, а на себя – на груди кобура, гранаты, запас патронов. Все это казаки шили для себя и под себя...

Полусотня шла одношереножным строем, примерно выдерживая метров пять дистанцию между конями. Здешние горы раз и навсегда отучали скупиваться и атаковать лавой, здесь надо было воевать осторожно и расчетливо. Только тогда ты выслеживал неуловимых местных муртазаков² – и при этом оставался в живых...

Один из всадников – внешне ничем не отличающийся от остальных, офицеры не носили здесь знаков отличия потому что за их голову давали гораздо больше чем за голову простого казака, подъехал к стоящему рядом со своим Донцом пластуно, соскочил с седла, встал рядом...

– Что?

Пластун покачал головой

– Не нравится мне все это.

– Заметил что?

– Ничего. Слишком тихо.

Командир полусотни, хорунжий Спасцев, вскочил на коня.

– Урядник Михеев!

– Я! – вскинулся один из казаков

– Занимай здесь позицию, разворачивай пулеметы. Прикроешь нас. Все пулеметчики – во взвод Михеева. Остальным спешиться, выдвинуться на прочесывание! Искать любые следы! Любые!

Казаки быстро спешили, стреножить³ коней никто и не подумал. Привязали, как смогли и ладно. Мало ли какой лихой человек в округе, налетят – охнуть не успеешь. Коней просто оставили на попечение взвода Михеева, который развернул пулеметы, прикрыв позиции пулеметчиков валунами, и сейчас занимал позиции для стрельбы на склоне.

² муртазаки – бандиты

³ связать ноги.

Прочесывание в здешних местах – дело мерзкое. Местность неровная – горы, вадии⁴, оазисы. Есть змеи. Есть и мины, есть растяжки. Ногу сломать – да запросто, не то, что ногу – шею зараз свернуть можно.

Рассредоточившись, закинув за спину винтовки и взяв в руки пистолеты, казаки неровной цепочкой, ругаясь и перекрикиваясь, пошли вниз.

Старший урядник Волков, опытный пластун, который сейчас и вел колонну, в прочесывании участвовать не стал – хватает народа, прочешут и без него. Вместо этого он достал из переметной сумы несколько горстей овса, скормил коню прямо с руки. Еще немного, двадцать километров – и застава. А в десяти километрах – оазис с колодцем, там можно и коня напоить и самому напиться. Колодцы муртазаки травить не решались – в этом случае их стали бы резать уже местные. Без воды в здешних местах жить было нельзя...

– Что Донец, тяжко?

Донец потрянул головой, будто подтверждая – да хозяин, тяжко. Житья нет.

– Терпи... Полгода еще до смены...

Племенная территория на юге Аравии была одним из самых тяжелых мест службы. Пустыни и горы, враждебные, насквозь пропитанные пропагандой ненависти к кяфирам, неверующим, местное население племени, живущие единым лишь разбоем, правительству никогда не подчинявшиеся и подчиняться не собиравшиеся. Днем может быть плюс сорок и выше, а ночью температура иногда опускалась ниже десяти. Солнце просто ужасное, поначалу не было казака который с непривычки не получил бы солнечный удар. Тяжелее всего казакам и их коням приходилось из-за отсутствия воды. Морская вода для питья не подходила, а ключей и тем более рек почти не было – даже в Палестине напиться было не в пример проще, ключи то тут, то там. Вот и приходилось возить воду в бурдюках – и для себя и для коня, ставить заставы около источников, копать колодцы – за русскими инженерами, что копали колодцы (бесплатные!!!), строили системы орошения и водосборники исламисты вели особенно ожесточенную охоту, ибо они подрывали торговлю водой. Охоту вели за всеми – караваны купцов были объектами грабежа, военные караваны и патрули казаков были объектами ненависти. Что хуже всего – дня не было, чтобы неподалеку от Йеменского побережья не болталась пара крейсеров, а то и авианосец Гранд-Флита. Уже больше двадцати лет не было большой войны – и те, кто проиграл в предыдущей всеми силами жаждали реванша. Налеты, стычки, засады в любой момент могли перерасти в артиллерийский обстрел орудиями главного калибра и высадку десанта на берег. Уже бывало всякое – и обстрелы пустынных участков побережья с ответным огнем береговых батарей и кораблей русского флота, и сбитые самолеты, и полеты самолетов – разведчиков. Две великие державы, Российская империя и Британская империя, победитель и проигравший в жестокой мировой войне играли на нервах, проверяли друг друга на прочность в ожидании новой схватки за лидерство в мире. Все знали, что она состоится – но никто не знал когда именно.

Да что тут углубляться в дебри. Достаточно на трофеи посмотреть. Веблеи, пистолеты-пулеметы СТЭН – дешевое, типичное для повстанцев оружие, которое Великобритания производила тысячами и рассыпала по всем зонам локальных конфликтов как чумных блох. Снайперские винтовки Ли-Энфильд из которых местные стрелять было большие мастики, полуавтоматические Ли-Метфорды – кустарно переделанные в полуавтоматы Ли-Энфильды. Пулеметы типа БРЭН, по купленной богемской лицензии – их магазин торчал над ствольной коробкой подобно рогу, приводя пулеметчиков казаков в изумление – а как целиться при стрельбе то? Все это – из известных каждому местному пацану источников. Контрабандисты выплывали на своих азу⁵ в залив, по ходовым огням плыли к британским кораблям и полу-

⁴ русла рек, пересыхающих летом.

⁵ азу – судно, на котором испокон века плавали в этих районах, что-то типа большого челна...

чали там оружие – бесплатно. Здесь, на земле оно конечно бесплатным не было, его продавали на рынках – но в количествах, приводящих в ужас. Изымать незаконное оружие у местного населения – все равно, что вычерпывать Дон решетом...

– Господин урядник, нашел! Господин урядник!

– Всем залечь!

Мало ли – вдруг мину или фугас заложили...

– Что у тебя, Скворцов?

Казак Скворцов был из отслуживших. Здесь все уже отслужившие, официально Российской империя сюда казачьи части не посылала, это был договор йеменской королевской семьи с Донским и Кубанским казачьими войсками. Но звания здесь были, правда, те кто не выслужил лычку младшего урядника назывался просто – казак. Без указания года службы как на действительной.

– Господин урядник, человек десять пробегли. Верхи⁶...

– Верхи, говоришь... – урядник почесал бороду и вдруг гаркнул во всю мощь своего пересохшего горла

– Волков!

Старший урядник Петр Волков, держа наперевес свою винтовку, стал осторожно, пробуя ногой склон перед собой, спускаться вниз. Донца он в поводу не вел – Донец шел рядом, у бойца должны быть свободны обе руки на случай чего.

– Отошли.

Казачи отошли, с благоговением наблюдая за священнодействием пластуна – следопыта, который ползал на коленях по каменистой, бесплодной земле, изучая оставленные на ней неизвестными следы.

– Десять человек – объявил он, наконец – в местной обуви. С оружием. Ушли по тропе на север, видимо к селению... Или к оазису.

– А как вы догадались, что с оружием?

Обнаруживший след казак был молодым, и любопытным даже не загорел еще толком – зато обгорел на Солнце уже изрядно. За такой вопрос от урядника можно было и зуботычину получить – но старший урядник Волков обычно либо отвечал, либо награждал спросившего таким взглядом, что разом отпадали все вопросы.

– Когда оружие тащишь – ногу по-иному ставишь. У человека ступня стоит по-другому, оружие то тяжелое.

Подошел хорунжий Скобцов, отряхивая руки о штаны – их старший патруля на сегодня.

– Что?

– Десять человек с оружием. Ушли, видимо к селению.

– Муртазаки? Ваххабиты? Идарат?

– Бес их знает.

Хорунжий посмотрел на часы.

– Давно прошли, как думаешь?

– Часов двенадцать, кубыть, не больше... – с ноткой сомнения в голосе сказал Волков

Скобцов достал из портупеи карту, перегнул ее нужным квадратом вверх, сориентировался по компасу.

– Там у них на пути шестнадцатая застава. Километров тридцать.

Все молчали, ожидая решения

– А до двенадцатой, куда мы идем – двадцать. Если верхи идти, и нигде не стоять – то сегодня к вечеру добегем...

Хорунжий убрал карту обратно, негромко присвистнул – такая у него была привычка.

⁶ верхи – то есть конными, на конях. Старое казацкое выражение

Племенная территория. Шейх Усман 11 апреля 1949 г.

– Хорунжий Слепцов! Хорунжий Слепцов!

– А? – хорунжий дернулся, возвращаясь из грез о доме, о Доне, о родном хуторе в грязную и беспощадную реальность. А в реальности этой было много чего – была служба, была колонна бронетехники, грохочущая по разбитой в хлам дороге, был открытый сверху десантный отсек. И была пыль – проклятая пыль, не дающая дышать даже сквозь сложенную втрое кашиду⁷, которую они повязывали не на голову, а на нижнюю часть лица, становясь при этом похожими на бандитов с большой дороги...

– Тебе чего...

Опять Бабицкий... Хохол-казак, хуже этого нет ничего. Да еще молодой только действительную отслужил. Отслужил – и видимо сам вызвался сюда, молодые они такие, лезут везде. Вот его и засунули в эту ближневосточную дыру, где сам хорунжий приканчивал второй год командировки. Черт бы тебя побрал, Бабицкий...

– Господин хорунжий, а почему железную дорогу тут не построят? Ведь проще же было бы, построил – и все. Не надо колонны гонять. И муртазаки поприсмирели бы...

– А вот я сейчас тебя по спине нагайкой вытяну, тогда и узнаешь, почему... – мрачно побежал хорунжий – за пулеметом следи и...

Что еще вменялось в обязанности казаку Бабицкому, мир не узнал, потому что в этот момент бронеавтомобиль, в котором они ехали, тряхнуло, да так, что Слепцов приложился о борт и хватанул ртом самую пыль, щедро поднимаемую колесами, а Бабицкий ударился об турель счетверенки «Максима» – основного огневого средства казаков при проводке колонн.

Прокашлявшись, едва не выхаркав с пылью легкие – во рту была такая сушь, что даже плюнуть было нечем, Слепцов полез вниз, в тесную, исходящую вибрацией и ревом двигателя бронированную коробку, к шуршащей помехами рации.

– Я Дон-восемь, вызываю Рубеж-сорок два, прием!

В Адене – а они уже были почти что в городе, между Аденом и городом-спутником Шейх Усман было всего то пара километров – связь была прекрасной, тем более то на такой мощной рации. Это когда идешь по маршруту – горы так экранируют, что большую часть маршрута идешь глухим и слепым и случись чего – отбиваться придется, рассчитывая только на самого себя.

– Рубеж сорок два, принимаю хорошо.

– Рубеж-сорок два я Дон-восемь, прошу результаты авиаразведки по трассе до Катаба и далее на Сану

– Дон-восемь, птица прошла, результат нулевой, как понял?

– Рубеж сорок два, тебя понял.

– Дон-восемь, сообщи свое местоположение

– Рубеж сорок два, нахожусь на подходе к Аль-Мансур, боеконтакта не имею.

– Дон-восемь – принял, конец связи...

То, что птица прошла и результат нулевой – это еще ничего не значило. Разведка была здесь не армейская – на разведку летали старенькие С-5 и разведка велась чисто визуальной методой по принципу: видишь кого то? – нет. И я нет. Пока даже до Катабы пройдешь – десять раз все поменяется.

⁷ кашиды – йеменский национальный головной убор, мужской платок

Аккуратно повесив гарнитуру радиации на свое место, хорунжий подключился к ТПУ – Дон-восемь, снизить скорость, мы в городе...

Шум от двигателя стоял такой, что без ТПУ никто ничего бы не понял...

Волею судьбы, казакам пришлось осваивать новые для себя профессии – казачьей лавой здесь не решалась ни одна проблема. Да и какая к чертям казачья лава – автоматами и пулеметами посекут и все. Вон, кони только у разведчиков и дальних патрулей остались. Прошло время кавалерии, прошло, теперь сидишь, да солярным выхлопом дышишь. И время честной войны тоже прошло – теперь фугас норвят подложить на дороге, да нож в спину воткнуть, если из расположения по делам отошел. Старики было-к рассказывали, как на Кавказе службу ломали – все мальцами тогда еще были, слухали. А тут ведь похлеще Кавказа будет...

Их было немного – всего тридцать человек. Тридцать человек на шести машинах, из которых две были блиндированные, с блиндированным, фабричной выделки корпусом, из армейских арсеналов, и еще четыре – обычные грузовики, приспособленные для такого нелегкого и опасного дела, как проводка конвоев.

Блиндированные машины были армейские, кузов Екатеринодарского танкового на лицензионном чешском шасси Татра-92, выпускаемом по лицензии в Москве. Бронированные листы кузова, на которые казаки наварили еще по одному листу – чтобы с гарантией выдерживали пулеметный обстрел, а заодно и чтобы нарастить борта для езды стоя. Мешки с песком под ногами – для защиты в случае подрыва на фугасе. Невелика защита, но хоть что-то. Вместо одного крупнокалиберного пулемета или противотанкового ружья, как на армейской версии казаки обычно ставили списанную из армии счетверенную установку пулеметов Максим, предназначенную для ведения огня по низколетящим самолетам. В армии такие установки считались давно устаревшими – огонь Максимов мог сбить только совсем уж устаревшие и тихоходные самолеты, армия давно перешла на лицензионные швейцарские многоствольные Эрликоны⁸ и длинноствольные пушки калибра до ста семи миллиметров – против бомбардировочной авиации. Испытывались первые зенитные ракеты, управляемые по радио. Ну а счетверенки доставались казакам – среди казаков было много тех, кто ломал действительную службу еще в двадцатые, для них Максим был роднее родного. Ну а мощь огня счетверенки была страшной – шквал огня позволял даже особо не целиться.

Таких машин в караване была всего одна – командирская, как раз на ней и стоял одним из пулеметчиков Бабицкий. Так, помимо основного вооружения, на эту машину по обоим бортам поставили еще по пулеметной турели – чтобы не тратить ресурс Максима по мелким и не слишком опасным целям. Как раз вот на таком пулемете и стоял Бабицкий.

Замыкала колонну машина с еще более мощной установкой, на сей раз североамериканского производства. Казакам дозволено было закупать за свой счет (не на действительной службе) любое вооружение, в том числе и под нештатный боеприпас – и они этим пользовались. Машину притащили через пролив из Итальянского Сомали, а как она туда попала – ведал лишь один Аллах. Первоначально это был полугусеничный БТР, не на ходу и без двигателя. Потому и продавался так дешево. Но казаки кузов отодвинули в сторону – к нему должны были прислать двигатель с АМО, вот тогда и можно будет ходовой заниматься. Самая ценность была в огневой установке – тридцатисемимиллиметровая длинноствольная зенитная пушка М37А1 с заряданием обоймами и по обе стороны от нее – два стандартных пулемета Браунинг М2 калибра 12,7. Вот эту вот зенитную установку привели в божеский вид – итальянские сомалийцы ее запероли и не смогли починить, и переставили на шасси стандартного БА-40, трехосного, по размерам почти идентичного «американцу». Встала как родная и теперь казаки могли бороться с противником, даже если он засел за каменными глыбами, которые не брал ДШК.

⁸ В нашем мире известны как флак-системы. Использовались вермахтом

Раньше приходилось использовать миномет, а навести его в горячке боя – не так то просто как кажется.

Остальная техника представляла собой обычные грузовики, переделанные казаками под свои нужды. Все трехосные, марки ЯГ армейские – потому что ремонтировать легче. В оригинале – лучшая североамериканская машина подобного класса, Студебеккер. В России вообще много производилось по лицензии – но это был уже шаг вперед, раньше просто закупали. Каждый грузовик приходил из армии списанным, но казаки доводили его до ума. Борта наращивались и защищались броней – хотя бы от легкой винтовочной пули. Ставились дополнительные топливные баки – потому что на Восточных территориях заправиться можно не всегда и не везде. Баки тоже защищали бронелистами и ставили с обеих сторон – чтобы нельзя было повредить их разом при обстреле. Под сидения в кабине и в кузов под ноги клали не мелки с песком – а выделанные по специальному заказу баки с водой, разделенные на множество секций. Мало того что вода не хуже песка защищает при подрыве – при надобности ее можно выпить. В пустыне оказаться без воды – смерть и не раз такие вот водные запасы выручали казаков и водителей колонн, с которыми они шли. Из вооружения обычно ставили один крупнокалиберный пулемет и два-три обычных, ротных, иногда еще один пулемет ставили на поворотном вертлюге в кабине, у двери пассажирского места – чтобы пассажир так же мог вести огонь. Пулеметы были в основном либо армейские ДШК – тут скупиться было нельзя, покупали самые новые, хоть и дорогие, либо итальянские Бреда, но их ставили только в крайнем случае, когда ничего другого не было, либо британские BSA, либо североамериканские Браунинги. Вот Браунинги казаки уважали больше всего – ничем не хуже ДШК, а в чем-то даже и лучше. Проблема была только со снабжением патронами: на складах их не было, но на шуке⁹ можно было купить в любом количестве и хоть в навес. На шуке можно было купить все.

Сами же казаки, уходя «на конвой» вооружались обычно пистолетами-пулеметами ППД и СТЭН, пулеметами, пистолетами и гранатами. Ручной пулемет РПД, последняя новинка в армейских арсеналах сюда еще не дошел – их было мало, снабжали пока только армию. Автомат Симонова – есть, можно купить в том же арсенале, но денег стоил – бешеных. Одевались казаки тоже не по форме – либо шили здесь, либо покупали у тех же торговцев, которые тюками возили итальянскую форму из Сомали, там разворовывалось все и вся. Песочно-бурого, с пятнами, удобная в носке форма, хромовые сапоги, одна кашада на голову, еще одна закрывает нижнюю часть лица, мотоциклетные уродливые очки на глаза, потому что из-за пыли глаза воспаляются и болят – вот вам и портрет типичного казачины – конвойщика сороковых годов.

Зачем сюда ехали? Сложный вопрос... Началось все еще в двадцатые, после мировой войны. Слишком долго она продолжалась, слишком жестокой и кровавой была – таких войн еще не было, господь даст и не будет больше. После войны в ведении России оказалась, считай вся территория развалившейся Османской империи. С нефтью – но ее еще надо добыть! Нищие, забытые Аллахом окраины некогда грозной державы, протоптанные веками дороги, нищие хижины феллахов. Надо поднимать окраины, надо поднимать свою страну – все надо делать! А ведь Британия не дремлет – все тридцатые годы, ревностно глядя друг за другом, крупнейшие державы мира наращивали вооружение – сходили со стапелей все новые и новые броненосные корабли, в небе реяли, сверкая крыльями эскадрильи самолетов, с конвейеров сходили первые не только тракторы, но и танки. Старые времена ушли, унесенные беспощадными вихрями мировой войны – а к новым надо было быть готовым. Надо было быть во всеоружии.

На Восток потянулись казаки. С семьями, целыми хуторами – правительство размещало их, давало из казны деньги на обустройство. Очень скоро стало понятно, что все будет не так как раньше. Это раньше – сходил на действительную – а потом только на сборы. Сейчас война

⁹ шук – базар

была всеобъемлющей, она была везде и нигде, никто не мог точно сказать что сейчас – война или мир. Войн засад, выстрелов из-за угла, карательных экспедиций, сожженных кишлаков и разрушенных набегам станиц – все это было. И казаки, раньше больше привычные к косе да плугу теперь не выпускали из рук винтовки и новомодные автоматы.

Вот тогда то и пошло – что некоторые казаки совсем бросали хозяйство и жили единой войной. Благо, желающих нанять казаков из вассальных монархий, да и из правительственных структур было предостаточно. Казаки охраняли нефтепромыслы, проводили колонны, боролись с муртазаками. И только Господь сосчитает, сколько казачьих костей лежит сейчас не на Дону, погребенных по чести – а в серой хмари пустынь, на бесплодных, продуваемых ветром склонах гор.

Много...

* * *

Аден выступал впереди, накрытый пыльной дымкой хамсина, жестокий и нищий, многолюдный и в то же время пустой, он казался гнойным нарывом на теле этой безводной и бесплодной страны. Покрытые вечной пылью улицы, нищие скворечники домов, оборванные немывтые дети с камнями в руках, злобные взгляды вслед из-под кашид – пропаганда исламского экстремизма давала кровавые плоды, экстремисты не останавливались даже перед убийством мулл, отказывающихся проповедовать ненависть к русским. Дул хамсин – жаркий и сухой ветер с Африки, воплощенное дыхание Сахары, и весь город был погружен в желто-бурую пелену мельчайшего песка забивающегося во все щели, не дающего дышать. Люди, ревущие ослы, мулы – все выглядело каким-то нереальным, призрачным – и просто удивительно, что кто-то на этой земле умудрялся не только выживать – но и жить...

Хорунжий снова взял в руки гарнитуру рации.

– Я Дон-восемь! Проходим район Аль-Мансур! Предельное внимание!

Район Аль-Мансур, прилегающий к порту, как и обычно в портовых городах был районом живущим за счет порта. Низкие, убого построенные доходные дома часто даже без стекол, люди на улицах – отставшие от своих судов моряки со всех стран мира, невысокие, потасканные, уродливые шармуты¹⁰, поденные рабочие, подрабатывающие в порту на разгрузке судов, воры и скупщики краденого, душегубы – кого только не было в этом районе, больном, кишасщем дурными людьми как вшами. Были тут конечно и экстремисты, и британская агентура, и диверсанты – недавний взрыв в порту обрушивший на разгружаемый корабль портовый кран – их рук дело, и подрыв итальянского сухогруза на рейде тоже их дело. Итальянского – потому что Великобритания лихорадочно пытается сколотить коалицию против Российской Империи, сделать проблему Востока не ее проблемой, а проблемой всего мира, притянуть сюда и североамериканцев и итальянцев – всех. И снова начать войну...

Развернулись стволы – елочкой, во все стороны, если на машине, которая идет перед тобой влево – значит на твоей ствол должен смотреть вправо. Может быть все что угодно – серьезного нападения не будет, но пару раз пальнуть или гранату закинуть в кузов – запросто. И попробуй, найди их при такой то видимости...

Колонна словно продиралась по району – узкие улицы, нечистоты, жующие какую-то рвань на улице козы. Старые машины, а иногда и просто их остовы, в которых живут люди – в извилистой теснине улиц Аль-Мансура нельзя было проехать на неповоротливых грузовиках не задев хоть одну из старых железных кляч. Иногда за ревом двигателей слышались выкрики, проклятья, пару раз кузов резонировал от ударившего в него камня, заставляя казаков понервничать. Но, слава Богу, больше ничего не произошло...

Порт встречал укрепленными позициями на входе – с обложенными бетонными блоками танками, с пулеметными гнездами, с прикрытыми теми же стенками из бетонных блоков наце-

¹⁰ шармута – проститутка.

ленными на город и на окружающие его горы гаубицами. Гаубицы были легкие, в основном сто семь миллиметров. Более тяжелая береговая артиллерия, прикрывающая город расположена дальше, на холмах и стволы ее пушек смотрят на залив. Территория порта была отрезана от Адена несколькими рядами колючей проволоки – скорее не от диверсантов, а от воров, ибо воровство здесь было в порядке вещей. Украсть у неверного, кяфира считалось даже доблестью. Вся охрана порта набиралась из русских, из казаков...

– Колонне стоп!

Перевязав закрывающую лицо кашиду, хорунжий перевалился через высокий борт броневедомки в серый сумрак хамсина. Казаки спрятались на блокпосту, сложенному из бетонных плит и блоков, всё – и бойницы, и дверь – все было самым тщательным образом заткнуто дерюгой и парусиной – тем, чем в порту укрывают грузы...

Подбежав – а ветер усилился и бесновался он так что находиться на нем не хотелось ни единой лишней минуты – к звери, ведущей на блок хорунжий постучал кулаком Секунда, другая – дверь открылась и сильные реки втянули его внутрь...

– Свои – предупредил Слепцов – не замай.

Рослый, с замотанным от пыли так же как у Слепцова лицом казачина опустил свой СТЭН, который держал как профессионал – не за магазин, который у этого дешевого но на удивление точно стреляющего пистолета-пулемета почему то сбоку, а за цевье. Меры безопасности на блоке соблюдали по полной программе.

– Хорунжий Слепцов? – уточник казак

– Он самый. Кто старший?

– Да я и есть старший... – держа в руках кружку с чаем, из-за перегородки неспешно вышел еще один казак с таким же СТЭНом

– Коршун?

– Он самый.

– Ты же в Багдаде служил...

– Сюда перевелся. Чай будешь?

– У меня там колонна. Я за караваном пришел.

Хорунжий Коршунов, в которм Слепцов ломал еще действительную, друг и одностанник, коротко хохотнул.

– Ну какой караван... Сам видишь, что на улице делается. Порт не работает, каравана сегодня точно не будет. До завтра переночуешь, в конторе свободные помещения есть, а завтра и поведешь свой караван.

– Погрузили уже?

– Да немного не успели... Очень уж резко дунуло, давно такого не было...

– Оно так... еще с расположения выходили, такого не было...

Погода в последнее время портилась. Не пойми с чего – налетали такое вот хамсины, даже в те времена года, когда их отродясь не было. А в Адене их не было никогда – теперь же стали и с Африки приходить. Йемен обычно страдал от хамсинов со стороны аравийской пустыни, а побережье от этой напасти защищал горный хребет. До недавнего времени.

– А ты то что тут делаешь?

– Несение службу проверяю. Я начальник охраны порта с того месяца...

– О... Высоко залетел.

– Как бы не упасть больно... Старший урядник Дикой!

– Я! – вытянулся тот самый казак, который держал его на прицеле во время обыска

– Продолжайте нести службу. За проявленную бдительность – объявляю благодарность.

– Есть!

– Мы хоть доедем до портконторы то? – высказал сомнения Слепцов – на улице воеет ажник глушно...

– Доедем... Со мной – доедем...

Поправив повязку на лице, хорунжий Коршунов первым ступил за порог, в мутную, серо-бурую тьму...

За день до этого. Авианосец Ее Величества HMS Invisible. Аденский залив, недалеко от Баб-эль-Мандебского пролива¹¹ Ночь на 09 апреля 1949 г.

Самое интересное начинается, конечно же, после отбоя...

Нет, вы неправильно поняли. Я не про содомию, которой славится флот Ее Величества, славится настолько, что даже некий Уинстон Черчилль как-то изрек: все традиции Королевского флота – ром, плеть и содомия¹². Я про тайные дела...

Специальные силы военно-морского флота первыми создало маленькое Итальянское королевство. Оно же сейчас держало законное первое место по численности, оснащению и выучке боевых пловцов – Десятая флотилия наводила ужас на всех, включая такие державы, как Великобритания и Россия. В Италии подводные диверсии были поставлены на очень широкую ногу, а командовал боевыми пловцами князь Джунио Валерио Боргезе.

Что же касается Британии – то специальная лодочная служба – SBS была организована лишь в тридцать седьмом году, в том самом, когда едва не началась еще одна мировая война. И организовывали ее, по сути, отщепенцы – один из организаторов был журналистом и биржевым маклером, карьера второго была на волоске из-за пьянства, третий был разжалован до матросского звания за хамство капитану корабля. В СБС с кораблей ссылали тех, от кого офицеры и так были рады избавиться. Первые же операции, проведенные специальными силами в тылу врага – России и Германии убедили командование флота, что специальные силы – нужный и полезный род войск. Однако, генетический код в СБС, заложенный отцами – основателями – дерзость, отсутствие чиновничества, лучшая стрелковая и физическая подготовка сохранялся...

Эту группу доставили на борт авианосца Инвизибл ночью, двое суток назад. Их доставила летающая лодка Шорт Мк3 Сандерланд, причем не военная, а гражданская, авиакомпании БОАК. Двадцать четыре человека, включая четверых явно штатских – форма на них сидела как на корове седло, и одного коммодора и штаба. Вот этот коммодор¹³ и был самой большой проблемой, ибо оказался старшим по званию офицером на корабле.

А еще с ними доставили большое количество какого то груза. В ящиках...

На удивление морские диверсанты вели себя тихо, много спали – словно хотели выспаться на неделю вперед, ни к кому не приставали, ничего не ломали и вообще себя вели тихо и незаметно. Возможно, присутствие на корабле Коммодора флота Ее Величества сыграло свою роль. Больше проблем доставляли штатские – они шлялись в дневное время по кораблю, совали всюду свои любопытные носы, а один чуть не попал под приземляющийся на палубу самолет – торпедоносец, вернувшийся после учебного полета. Пришлось провести разговор со всей этой четверкой и закрепить за каждым по сопровождающему – матросу.

Что же касается коммодора – то он провел лишь единственное короткое оперативное совещание с офицерами корабля, где и высказал свои требования. Они были на удивление скромными – придерживаться указанного курса, в течение нескольких дней не выходить из заданного квадрата и поделиться кое-какой информацией русских кораблях и оперативной обстановке на побережье. И еще несколько матросов, точнее восемь. По всей видимости, готовилась какая то диверсионная вылазка.

¹¹ Баб эль-Мандеб и переводится как «Врата скорби»

¹² Прим автора. – Черчилль действительно это говорил.

¹³ коммодор – звание присваивается капитану первого ранга на адмиральской должности и является как бы промежуточным.

На третий день морские десантники оживились – в ангаре, между самолетами стали проверять снаряжение. Снаряжение у них было сплошь специальное. Вместо старых револьверов и пистолетов Веблей у них были пистолеты Велрод стандартного калибра.455, больше похожих на трубу, к которой приварили горловину для магазина. Кстати, пистолет этот был примечателен тем, что него не было рукояти – магазин, обмотанный чем-то типа тряпки – и был магазином. Пистолеты они проверяли стрельбой очень осторожно, стреляя в сторону бокового лифта, поднимающего самолеты на палубу – так чтобы пули уходили в сторону моря. Офицеры команды, слышавшие выстрелы из этих пистолетов удивлялись, насколько они бесшумны.

В качестве основного оружия у морских десантников были пистолеты-пулеметы СТЭН, но в бесшумной модификации, с расширительным глушителем конструкции Максима¹⁴. Были у десантников четыре стандартных пехотных пулемета марки БРЭН и две снайперские винтовки Ли-Энфильд Мк3 с прицелами №32Мк1

Удивление у тех, кто сумел за этим наблюдать, вызвали лишь какие-то странные приспособления – похожие на снаряды с крыльями калибра примерно шесть дюймов, выставленные на что-то типа треножника. Этими снарядами как раз и занимались гражданские, для их проверки требовалось электричество.

Как бы то ни было – все проверки заняли одни сутки и сейчас спецназовцы готовились уходить на задание – уже были сброшены на воду черные резиновые, почти незаметные ночью на воде лодки и с высокого борта авианосца к самой воде спущен штормтрап. По этому случаю на корабле была объявлена повышенная боевая готовность, офицеры не занятые в настоящее время управлением кораблем собрались в кают-компанию. Как и на любом уважающем себя судне, кают-компания отделялась и обустривалась офицерами годами, было куплено настоящее концертное пианино фирмы «Стейнвей и сыновья», сталь переборки скрыли дорогие деревянные панели, заказная мебель из дорогих пород дерева, ковер, бар с напитками. Собственно, этим-то флот и отличается от пехоты, которая только и знает, что сидеть в каком-нибудь богом забытом гарнизоне и хлестать дешевый скотч – шотландский виски. Флот – это уровень, это самые разные страны, это столовая с фарфором и кают-компания с роялем. А то, что случись чего и это все под водой окажется – так и пехоте в таком случае умирать придется ничуть не более легкой смертью...

Сейчас сублейтенант Деннис, подающий немалые надежды пианист задумчиво глядя на причудливый стенной узор, наигрывал какую-то простенькую мелодию не глядя на нотный стан, главный моторист, лейтенант-командер Уослоу рассказывал группе офицеров какой-то похабный случай из своего последнего похода на берег, а командир авианосца, капитан Генри Август, граф Джерси, закончив разливать превосходный коньяк Хайн по бокалам, придирчиво осмотрел получившийся на подносе натюрморт и постучал своим родовым кольцом по крайнему бокалу, привлекая внимание собравшихся в кают-компанию офицеров.

Бокалы быстро разобрали, тем более что коньяк и в самом деле был хорош, а Уослоу совсем заврался. Капитан Август подавая пример, поднялся на ноги.

– За Британию! Боже храни Короля!

– Боже храни Короля – пронеслось по кают-компанию многоголосым эхом...

Коньяк и в самом деле был хорош – зрелый, с отчетливыми нотками дубовой бочки, ванили, виноградной лозы, меда, с удивительно долгим послевкусием. Он стоил каждого соверена, который был заплачен за бутылку...

– Удивительно, господа...

– Поставщик королевского двора, как же иначе.

– И цены королевские...

¹⁴ Того самого Хайрема Максима который сконструировал и пулемет. Хайрем Максим считается основоположником всего бесшумного оружия в мире.

Неуместное замечание про цены отпустил, конечно же, Уослоу. Простолоудин, что с него взять – ни капли аристократической крови в жилах, отец докером работал.

– Может, позовем...

Капитан Август нахмурился...

– Чарли я перестану уважать сам себя, если сяду за стол с этой... водяной крысой, будь даже он и коммодором флота Его Величества.

– Но дело то они делают нужное... – заметил командер Райфлс, начальник летных операций

– Нужное? Да бросьте господа... Чтобы нанять шваль – вовсе не обязательно делать их морскими офицерами. Шваль – она и есть шваль. А эти... только флот позорят. Генри, наиграй что-нибудь веселое...

Суб-лейтенант Деннис пошел к пианино...

* * *

Несколькими метрами ниже, у борта авианосца кипела работа...

Каждая лодка была рассчитана на двенадцать человек со снаряжением, два матроса должны были пригнать ее обратно после высадки группы и они же должны были через несколько дней по условному сигналу эвакуировать группу с берега. Итого, считая матросов, четыре лодки должны были перевезти тридцать два человека. Но кроме этого были еще те секретные, ящики, в которых располагалось нечто, что никак не должно было попасть в воду – иначе бы их не обматывали с такой тщательностью резиной в несколько слоев. Получалось так, что лодки были загружены под завязку, еще бы немного – и соленая вода перехлестнула бы через борта.

Погрузились молча, тихо и быстро, разобрали короткие и широкие весла, расселись по бортам. Сверху накрылись лохматой черной маскировочной сетью – чтобы быть похожими на плавучие островки которые сюда приносит течением. И резкими, синхронными гребками погнали свои лодки к берегу.

Несмотря на предпринимаемые меры предосторожности – риск был невелик. Вертолеты в то время делали первые шаги, нормальных РЛС тоже не было, ну а перекрыть весь берег минными полями и колючей проволокой – это и вовсе из разряда фантастики. Вот если на обратном пути не удастся оторваться от группы преследования – вот это будет дело, тогда и на воде не оставят в покое. А так – модно лишь случайно нарваться на местных контрабандистов – но в этом случае британские морские десантники хорошо знали что делать.

Концы – в воду.

Примерно через час напряженной работы веслами – когда рулевые ориентировались только по компасу и наитию – на горизонте показался берег. Ночью берег выглядел как серая полоса на более темном фоне неба, полоса абсолютно безжизненная без единого огонька.

Лодки остались на некотором расстоянии от берега, несколько десантников почти бесшумно, без всплеска нырнули в воду. Минута, еще минута, еще – и вот они уже на берегу, залегли в полосе прибоя, выставив перед собой стволы автоматов. Если на берегу засада, если место высадки группы раскрыто – то лучше пусть погибнут восемь человек, чем все.

Чисто. Только шорох волн по гальке и черному, вулканическому песку пляжа. Дикое, безжизненное побережье.

Один из десантников повернулся, достал фонарик, несколько раз мигнул узконаправленным лучом.

Путь свободен...

Лодки подошли к самому берегу, их вытащили на песок – чего никогда раньше не делали. Только для того чтобы не замочить те самые проклятые ящики – их передавали на руках и складывали в стороне, подальше от накатывающих на берег волн.

Йеменское королевство. Порт Аден 12 апреля 1949 г.

Хамсин успокоился только к утру...

С утра всё – похожие на каких-то фантастических костлявых и длинношеих птиц портовые краны, длинный, уходящий далеко в море пирс, причалившие к нему под разгрузку суда, броневики – все было покрыто слоем серого песка, больше похожего на пудру. Если такой песок прилипнет к коже, да еще в сочетании с морской водой – потом сотрешь это место до крови.

Караван был большой – тридцать машин. Тридцать больших машин, в основном североамериканских тягачей РИО с полуприцепами – как раз грузоподъемность небольшого сухогруза, зашедшего в порт. В будущем и в самом деле ожидалась постройка железной дороги, которая должна была увеличить перевалку грузов портом Аден на порядок, ну а пока...

А пока был караван...

Два грузовика не завелось – один все же прочихался, со вторым пришлось повозиться, видимо песок каким-то макарон попал прямо в карбюратор, а продувать его на таком же песке бессмысленно. Оставив водил разбираться, хорунжий пошел на инструктаж водителей грузовиков...

Инструктаж проводился прямо в здании портовой администрации, трехэтажном, с двойной стальной дверью и окнами, закрытыми таким же ставнями. Кабинет, который им выделили как раз и предназначался для массовых собраний – на первом этаже, вход без пропусков (пропуска требовали только когда поднимался с первого этажа на второй), рядом с отделом кадров. Старая, поломанная мебель, прибитая гвоздями – соткой к полу чтобы не умыкнули, обшарпанные стены, обязательный портрет Императора – дешевая, покрытая серой пылью репродукция в каких-то разводах. Закрытые ставнями стекла, голая, изливающая свет на собравшихся электролампочка.

Водилы за редким исключением были опытными, по этому маршруту ходившими не первый раз и инструктаж воспринимали как шаманское камлание на удачу. Выглядели кстати водители, почти как казаки, и даже оружие имели – пистолет с собой, и у кого что в кабине – загорелые, бородатые, шумные мужики, которые сами кого хочешь, проинструктируют. Тем не менее – казаки проводили инструктаж максимально серьезно...

– Итак – конечный маршрут – Сана, промежуточная остановка на ночь – в Катабе в расположении. Правила вы знаете, но все равно повторю. Дистанция между машинами – корпус грузовика. Рации постоянно на приеме, связь на третьей частоте, повторяю – третьей! В кабине – ничего легковоспламеняющегося. Без команды не стрелять (почти у всех водителей было свое оружие, говорю же – страна как оружейный склад). При поломке – немедленно сообщить старшему конвоя. При обстреле, если колонна остановилась – немедленно из кабины и на землю. Бензин чтобы у всех был под пробку, проверим каждую машину. Вопросы?

Не дожидаясь вопросов – все равно не будет, все между собой тараторили как бабы – Слепцов вышел из помещения, где проводили инструктаж, отряхнул форму, откашлялся. Глянул издали на стоянку – капот так и был поднят, обтянутая бурой тканью задница торчала из него – как будто диковинный железный зверь заглотил человека, но только наполовину, целиком проглотить не сумел. Вздохнув, хорунжий пошел к машинам...

– Что у вас там?

Вместо ответа казак протянул трамблер – все провода, ведущие от свечей к нему, были перерезаны. Ножом или даже... ножницами, очень характерный разрез.

– Зараз весело... Еще и не выехали.

Рядом, подняв тучу удушливой пыли, тормознул небольшой, открытый внедорожник, из него неспешно вылез Коршунов, таким движением, словно из седла лошади соскочил. Вот человеку жизнь – машина с водителем.

– Чинитесь...

Вместо ответа Слепцов протянул трамблер с обрезанными проводами. Коршунов мгновенно просек, нахмурился...

– Ночью?

– Ну не днем же...

– А пост?

– Вот то-то и оно.

Коршунов бессильно махнул рукой

– Было – из охраняемой зоны два грузовика с товаром угнали. Тут тащат все, что плохо лежит – а что хорошо лежит – тащат с еще большим удовольствием. Ворье.

– Починишь?

– Кубыть починим. На дороге заночевать – неладно дело, надо хотя бы до Катабы дойти.

– Оно так...

Из портовой конторы выходили водители, весело переговариваясь, вставали в круг, доставали свои кисеты – покурить на дорожку. Хорунжий обернулся к копающимся в моторном отсеке выведенной из строя машины.

– Почините?

– Почаса – и побегем. Не лошадь...

– Быстрее.

* * *

Починились – у одного из конвойных водил оказались нужные провода. Машины здесь ломались часто, не выдерживали – а помощи в пустыне ждать было неоткуда. Поэтому водители и возили с собой запасные части из числа чаще всего ломающихся, фильтры, канистру с маслом, две, а то и три запаски. Здесь по-другому нельзя.

Тронулись. Первым – обычный автомобиль конвоя, вторым – блиндированный, с ДШК. Потом, через равные промежутки – оставшиеся бронеавтомобили с казаками конвоя. Один за другим, нагруженные сверх бортов грузовики выползали из порта на пропыленную, утоптанную колесами до состояния камня, дальнюю и опасную дорогу...

Снова Аль-Мансур. Все те же – лачуги, грязь, ободранные собаки, козы, острые как нож взгляды. Расслабляться здесь не следовало – запросто откроют огонь. Здесь просто – всего то подбить одну или две машины, так чтобы они не могли двигаться. Из-за одной или двух машин колонну никто останавливать не будет. Огонь, конечно, откроют – но потом все равно уйдут вперед. И тогда то оставшаяся машина может стать жертвой этого района, плодящегося здесь как крысы, с крысиными повадками люда. Не только груз растащат – но и машину раскурочат, обдерут, так что только скелет и останется...

Первое время, хорунжий добросовестно глотал пыль, наблюдая за дорогой, за ползущей позади, отхаркивающейся черным дымом стальной змей, потом, когда район уже почти прошли – полез вниз, под защиту брони. К рации...

– Я Дон-восемь, вызываю Рубеж-сорок два, прием!

– Рубеж сорок два на приеме, принимаю хорошо.

– Рубеж-сорок два я Дон-восемь, вышли с колонной из порта, прошли Аль-Мансур, прошу последнюю сводку по обстановке на трассе.

– Дон-восемь, изменений нет.

– Рубеж сорок два, тебя понял, конец связи...

Надо было подремать. Казаки уже привыкли и как раньше деды спали прямо в седле – так и они могли заснуть в душной, воняющей керосином, грохочущей по ухабистой дороге

стальной коробке. Ночь спал хреново, а время пока есть – надо подремать. Примерно час – потом менять пулеметчика.

С этой мыслью, хорунжий надвинул кашиду на глаза и уснул...

Племенная территория. Район Аденского нагорья. 11 апреля 1949 г.

– Тихо, Донец, тихо...

Старший урядник Волков похлопал коня по шее слева – и умный конь тотчас повернул налево, осторожно шагая по едва заметной тропе. Что ни скажи – умный конь...

– Тпру...

Волков соскочил с коня, припал к земле. Следы он нашел почти сразу – особо и искать не пришлось. Ощупал землю пальцами, будто искали мину, припал к самой земле, чтобы рассмотреть, как следует след...

Куда они идут?

Странно было всем это. В этих местах, сухих и жарких, оазисы, родники, колодцы – это жизнь. Где же, человек десять с оружием шли по засушливым горам пешком, причем шли в местность где свободных источников воды нет – все какие есть под контролем казачьих застав. Поставить казачью заставу у источника воды было самым эффективным способом контроля местности в здешних горах – любой человек хочет пить любой человек придет за водой.

А тут... сколько они уже прошли? Неужели от самого побережья идут? Причем – днем? Днем человеку, тем более находящемуся в движении, учитывая местную жару, нужно выпить не меньше четырех литров воды – это если человек опытный и уже привык к здешней жаре и к здешнему воздуху. Можно сократить количество потребной воды в разы – но для этого надо идти ночью и утром, а жарким днем отдыхать...

Куда они идут?

Насторожившись, старший урядник расширил зону поисков – обыскал все в окрестностях, буквально каждый камень, каждую пядь земли на двадцать – тридцать метров от тропы осмотрел. И снова – ничего. Параллельно с тропой никто не шел, никто ничего не закапывал.

Тогда что же? Что ему не нравится? Может это просто отсутствие опыта у тех, кто идет – километров через пять они уже лежат на тропе, изнемогая от жажды? Не местные? Тогда – почему с оружием?

Вернувшись к коню, старший урядник взялся за рацию.

– Чисто.

– Принято.

И все-таки – что-то не так...

* * *

И не успел он пройти с Донцом и километр дальше по тропе – как началось...

Сначала был звук. Ноющий, вынимающий жилы, надрывный звук, из тех, что снятся профессионалам в их цветных, поразительно реальных снах о войне. Донец, не дожидаясь команды хозяина, резко прынул в сторону, уходя с опасной тропы...

И громыхнуло – раз, другой, третий. Словно обезумевший великан бил своей кузнечной кувалдой по иссохшей от беспощадного Солнца наковальне земли, и каждый удар он не слышал – чувствовал. Но не было ни великана, ни кувалды, ни наковальни – а был только он, старший урядник Волков, который проморгал, не понял, не осознал – и завел полусотню на бойню. Там, позади, на изрезанным трещинами скалах погибали, не видя своего врага и не имея ни единого шанса ответить, казаки, за которых он отвечал и которых должен был уберечь.

Не уберег.

– Тпру, Донец.

Конь, хоть ему и было страшно, встал как вкопанный. Пластун достал из переметной сумы антенну рации, кое-как установил и, не сходя с седла, заговорил в микрофон.

– Дон-три, всем кто меня слышит! Мы под огнем, попали в засаду...

Еще до того, как договорить он понял – бесполезно. Рация не добьет даже до ближайшей заставы, горы экранируют сигнал. Тем, кто позади, казакам полусотни, с которым он уже не по году служил, уже не помочь – но кое-что сделать он может...

– Пошел, Донец, пошел! Выноси, родной!

За спиной грохотала канонада...

* * *

Коня он отпустил, когда приблизился к нужному ему месту на километр. Он уже понял что произошло. Тяжелый миномет или еще более страшная тварь. РС. Реактивный снаряд. Когда он ломал срочную – такие установки для запуска реактивных снарядов только появлялись. Они были для казаков диковинкой – выглядели диковинно, машина и сверху рельсы какие-то нахлобучены, стреляли диковинно и страшно – с воем, с пламенем. Когда установка РС вела огонь – казалось, что она сейчас сгорит. Но результаты огневых налетов – сначала по мишеням, а недавно первые РСы появились и здесь, в этом захолустье – производили впечатление. Исковерканная, опаленная адским пламенем земля, почерневшая трава, разнесенные в куски мишени, воронки. Старший урядник не знал, кто и как притащил сюда этот РС – но он примерно понял, откуда ведется огонь. В горах не так уж и много подходящих мест для ведения артиллерийского (а установки РС относились к артиллерии) огня, для организации огневых позиций, а в округе такое было одно. Этакая небольшая, но ровная сковородка, окруженная горами со всех сторон. И отстрелявшись, они будут уходить. По тропе. Один шанс из двух – что именно в ту сторону, на которой он выберет свою позицию. И встретит их – как полагается, встретит...

Коня он отправил – конь не сможет укрыть за этих склонах, конь его выдаст. Потом, когда все закончится, он его найдет.

Или искать будет некому...

Поскольку рейдовые группы казаков передвигались на конях – они имели возможность взять с собой больше оружия и снаряжения, нежели пешие воины. И сейчас каждая граната и каждый патрон был уряднику нужен как никогда. Он собирался выступить один... а сколько там будет этих? Десять? Двадцать? Больше?

Старший урядник Волков ошибался. Он полагал, что муртазаки стреляют РСами с автомобильной установки, но это было не так. Они использовали последнюю разработку британских инженеров – простейшую портативную установку для запуска РС. Ведь что нужно для того, чтобы запустить РС? Обыкновенная труба-ствол, в отличие от ствола артиллерийского орудия здесь можно использовать даже водопроводную трубу подходящего диаметра. Треногу с простейшим механизмом наведения. И иницилирующее устройство, питающееся от автомобильной аккумуляторной батареи. Все! Можно стрелять, а отстрелялся – бросить.

Но те, кто стреляли сейчас из РСов – они тоже должны были уходить. И троп в горах было немного...

Поскольку, разведка была не пешей, а конной – оружия было достаточно по любым меркам. Из оружия, у старшего урядника Волкова была снайперская винтовка Токарева и сотня патронов к ней, армейский автомат Симонова¹⁵, тяжелый, но прикладистый и убойный с восемью магазинами, пистолет Браунинга с шестью обоймами к нему и шесть гранат. Еще нож – но нож в таком бою не оружие. В отличие от казаков полусотни, довольствовавшихся деше-

¹⁵ прим автора – имеется в виду АС-18 выпуска 1948 года (в нашем мире, там это АС-45). В отличие от СССР в Российской Империи выбор оружия был куда разнообразнее. Оружия требовалось много, многие покупали его частным порядком, в том числе казаки. В любой оружейной лавке одних автоматов было пять или шесть моделей на выбор. В 1945 году на вооружение был ограниченно принят не автомат Калашникова, а автомат Симонова. Потом, в 1956 году был проведен повторный конкурс на основной автомат для армии и, на котором победил более легкий, технологичный и надежный автомат Калашникова (примерно идентичный АКМ из нашего мира).

выми СТЭНами и ППД для ближнего боя, Волков часто действовал в одиночку и ему нужно было настоящее армейское оружие, способное вести автоматический огонь и достать противника за триста-пятьсот метров. Потому он и потратил немалую сумму на приобретение новейшего армейского автомата, который еще и в войска то толком не поступил. Еще ему был нужен напарник, в этот момент он был нужен как никогда – но старший урядник привык действовать в одиночку и рассчитывать только на себя. И сейчас он решил принимать этой бой в одиночку...

Теперь позиция. Позиция у него была более чем хорошей – насколько хорошей, насколько вообще может быть хороша позиция в этих горах. Дорога, по которой может проехать только одна машина, шла по склону горы, и до вершины горы было не меньше ста метров. Эти сто с лишним метров противнику пришлось бы преодолевать под огнем, укрытий на горном склоне было очень и очень немного. Камни, валуны – были, но до них ведь надо добежать. А вот около дороги камней не было вообще – их все сбросили в пропасть, находящуюся по левую руку, если смотреть с позиции старшего урядника. Опасались селя, обвала или чего-то в этом роде.

Дорога просматривалась вперед с его позиции не менее чем на два километра. Это плюс и плюс большой. Если устроить здесь засаду – то можно быть твердо уверенным что противник втянется в нее всеми своими силами и не сможет незаметно сманеврировать на склоне – например, отступить назад и обойти позицию Волкова верхом или низом. Он подпустит их на минимальное расстояние, метров триста-четырееста и, используя попеременно автомат и снайперскую винтовку, попробует уничтожить. Всех до единого.

Никто не уйдет...

Первым делом нужно было распорядиться гранатами – их у него было шесть. Одну он оставил для себя – казаки всегда так делали, понимали, что в плену у местных ловить нечего. Еще две он осторожно спрятал перед тем местом, которое он выбрал в качестве одной из позиций для ведения огня – одна нависает над самой дорогой, другая – много выше, у самого гребня. Между ними – до пятидесяти метров, которые в случае чего пойти будет трудно – но возможно. Остальные гранаты он рассовал по карманам снаряжения.

Так... Теперь вот что...

Снайперскую винтовку он подумал... и оставил на верхней позиции. Слишком тяжелая, нет режима автоматического огня... здесь она ему мало поможет. Он сделает так – встретит противника шквальным автоматным огнем с ближней позиции, достанет кого возможно – и переместится на дальнюю. Она не только выше – но и на сто с лишним метров дальше по склону, отступая, он будет разрывать дистанцию или, по крайней мере, сохранять ее такой, какая она есть. Если все пройдет нормально – снайперская винтовка может и не понадобиться, в конце концов, автомат АС-45 – страшная сила.

Еще две дымовые шашки – их всегда надо держать при себе. Полезная штука при маневре – хотя пуля, она, конечно, дура...

Теперь окоп. Окапыванию надо посвящать все время, какое у тебя есть, очень часто окоп отделяет жизнь от смерти. Старший урядник ломал службу чуть западнее, застал еще бои с повстанцами-махдистами и знал что это такое. Окоп – нужен.

С этой мыслью, урядник проверил еще раз автомат, поставил его на автоматический огонь и положил рядом собой. Расчехлив малую саперную лопатку, чьи грани были заточены до бритвенной остроты, урядник принялся ковырять неподатливую землю, подбадривая себя матом...

* * *

Муртазаки появились даже быстрее, чем он думал – так быстро, что он едва успел рухнуть в наполовину выкопанный окоп, прямо на лопатку. Лопатку девать было некуда, пришлось бросить вниз, под себя. Окоп недокопанный, но укрыться можно, да и валун еще – в общем

умостился. Погладил теплое, деревянное цевье автомата – хороша машина, недаром полторы сотни целковых за нее отдал. Бьет почти как пулемет, а весит вдвое меньше. Недаром деньги потратил, ох недаром...

Машины!

По тропе ехали машины. Две как минимум, они натужно завывали моторами, преодолевая нелегкую горную дорогу, и с каждой секундой прерывистой вой двигателей становился чуть громче. Сам Волков никогда бы не рискнул ехать на автомобиле по этой дороге – горные дороги коварны, никогда не знаешь что под тобой – каменная твердыня или готовый сорваться вниз каменный поток. Пусть здесь нет ни зимы, ни лета, пусть здесь никогда не было снега – но перепады температуры – до сорока градусов за день. День за днем, год за годом точит время неприступные каменные твердыни. Вот – казалось бы валун без единой трещины. А пройдет лет пятьдесят – что пятьдесят лет по меркам здешних гор – и идут по бурой каменной тверди едва заметные трещинки, и начинают откалываться кусочки – маленькие, пока совсем незаметные. Но откалываются. А пройдет еще двести лет – и нет уже валуна, а на его месте – всего лишь россыпь камней.

И поэтому, опасны местные дороги, того и гляди – дрогнет под колесом дорожная насыпь, накренится машина, миг, другой – и ощерившаяся зубами скал вечно голодная пасть пропасти ждет тебя. Поэтому в таких местах как это ездили с открытыми дверцами, чтобы успеть выпрыгнуть...

А эти, похоже, непуганые...

Мало того, что дверцы закрыты, так еще и едут, не соблюдая дистанцию. Метров десять – здесь это не дистанция, он бы держал тридцать как минимум...

Бинокля не было, а если бы и был – он не рискнул бы им воспользоваться – сам сколько снял таких вот «любопытных» из своего карабина. Дистанции пока хватало – дорога тут шла хитро, показывалась ниже и дальше, на расстояние верста с лишком, потом уходила за гору – и потом выныривала снова. Времени на то, чтобы оценить опасность было немного – но оно было. И эти два ФИАТа уряднику совсем не понравились.

У местных таких машин не было. Королевская Гвардия, ни на что не годившаяся, кроме как на охрану дворцов и то если на них не нападают – ездила на германских Бюссингах и Опелях, сами казаки передвигались на АМО и ЯГах. А тут были ФИАТы – мало того, еще и не капотные, с кабиной над двигателем, каковые были в ходу только у гражданских. При подрывах на минах и фугасах такая машина очень опасна, ни один военный, прослуживший хотя бы пару месяцев на Востоке и знавший, что может сделать с человеческим телом заложенная на дороге мина, такую машину не купит.

И что же делают гражданские машины, на этой горной дороге, с бойцами местной княжеской гвардии в кузове – судя по форме, да еще и с пулеметом, небрежно так выставленным на крышу головной машины? А?

Вопрос...

Машины прошли перевал, нырнули влево, укрываясь за горой. Несколько минут – и они будут здесь. Надо решать, что делать.

Открывать огонь сразу? Закон – тайга, прокурор – медведь? А если эти придурки и впрямь свои? Только не хватало – казак гвардейцев из засады пострелял...

И что? Пропустить?

ФИАТ вынырнул из-за поворота, лобастый, засыпанный пылью, шумно ворчащий двигателем. В кабине один, два... двое, и в кузове не меньше пяти, а один у пулемета, выставленного прямо на крышу кабины... кажется Максим, старый Максим, которые у гвардии были в изобилии. Здесь водитель осторожничал, ехал со скоростью пешехода – а те, кто были в кузове, не следили за дорогой и за горными склонами, они просто держались за дуги и смотрели вперед. Одеты как гвардейцы, только на голове накручены бедуинские платки, цветастые, серые

от пыли, закрывающие все лицо, так что остается только узкая полоска для глаз. Так гвардейцы или нет?

Смертельно рискуя, Волков решил все же проверить. Взяв на прицел пулеметчика – тот больше думал о том, как не упасть, нежели о своем грозном оружии, урядник дождался, пока машина доберется до лежащего на склоне камня – и изо всех сил гаркнул:

– Вакеф ална батуха!¹⁶

И нажал на спуск, отсекая короткую очередь и отбрасывая от пулемета моментально ожившегося пулеметчика...

Выстрел был точен – одна из пуль попала пулеметчику в голову и он, бессильно взмахнув руками, как птица крыльями, начал валиться назад, в кузов. Чуть переведя прицел, казак несколькими короткими очередями пробил кузов, завалив еще как минимум двоих. И нырнул за валун, уходя от шквала ответного огня...

Водитель, по крайней мере, тот, что сидел в головной машине, был неопытным – при обстреле, казаки со всей дури давили на газ, стараясь проскочить опасное место. Этот же надавил на тормоз, заблокировав машину – пока совершенно исправной, кстати – тропу.

А вот те, кто сидели в кузове – тем опыта, похоже, было не занимать...

Врезали так, что мало не показалось, скороговорка нескольких стволов слилась в сплошной оглушительный треск. В знакомую скороговорку СТЭНов вливался голос как минимум одного ручного пулемета, и чего то еще, наподобие...

Шваркнуло – не грохот, а именно хлопок, трескучий такой. Граната!

– Holy shit! – в голос вскричал кто-то там, на дороге, перекрикивая даже автоматы...

Ах, вот так...

Надо было уходить, британцы не те противники, с которыми можно воевать в одиночку. Эти не испугаются и не отступят, это тебе не гвардейцы и не аллахакбары. Эти проломаются – Волков мельком слышал о таких случаях и знал, что бритты сражаться будут всерьез. Нельзя им задерживаться здесь, в чужом краю и на чужой дороге, надо пробиваться любой ценой...

Не дожидаясь более крупных неприятностей – а кто-то, к гадалке не ходи, под прикрытием огня остальных уже подбирался на бросок гранаты – Волков перевесил автомат, так чтобы он не мешал. Достал две гранаты, выдернул чеки, одну за другой. Приготовил шашку. И когда шашка весело запыхала белым, вонючим дымом – одну за другой отправил гранаты за спину туда, где был противник.

Взрывы раздались почти синхронно, их было сразу несколько. Он успел вовремя – британец уже подобрался на гранатный бросок и приготовил свои подарки. Спасло то, что гранаты урядника взорвались на холме, на голой, каменистой поверхности – а одна из британских гранат как раз скатилась в яму, которую Волков считал выкопанным окопом. Но и взрыва второй брошенной британцем гранаты было вполне достаточно...

Горячим, исполненным летящей стали ветром Волкова бросило на осыпь, сразу несколько осколков достали его – но не убили. Один из осколков чиркнул по шее, несколько впились в ноги, но большую часть принял в себя мешок, который каждый казак носил на спине и в который складывал потребное ему снаряжение. Удар о землю и вихрь осколков не погасили сознание – оскалившись, урядник перевернулся на спину и, держа автомат обеими руками начал поливать британцев.

– Что! Не нравится!?! С...и! Идите сюда, гады, у меня еще есть! Сучьи дети! А-а-а-а!

Безумие помогло выжить – еще одна граната плюхнулась на склон и, скатившись, взорвалась намного ниже, дым делал свое дело и остающиеся в живых британцы стреляли наугад, не осмеливаясь подойти ближе. Отталкиваясь окровавленными ногами и елозя по каменистой осыпи, казак все-таки добрался до своей второй позиции. И перед тем, как завалиться

¹⁶ Стой, стрелять буду! (арабск). Фраза известная любому казаку и любому поселенцу.

за валуны, с удовольствием отметил, что к белому дыму шашки, застилающему непроглядной пеленой склон, прибавился и черный дым. Как минимум один грузовик горел, и дорога была заперта...

Волков не знал, сколько бриттов там впереди, подходит ли подкрепление. Просто он рассчитывал свою жизнь в каплях крови, орошающий склон – перевязочного пакета не хватило, а достать бинты и нормально перевязаться времени не было – и рассчитывал, что перед тем как уйти в небытие, парочку бриттов он заберет. Отомстит за своих...

Пули цвикнули по камням – одна, другая – но он не обращал внимания. Положив перед собой кулак и зажав в кулаке переднюю антабку, на которой крепится ремень, он спокойно ждал целей.

И дождался...

Кто-то мелькнул в мутной, плывущей вниз пелене дыма, подобно призраку, это продолжалось всего лишь мгновение – и он выстрелил. Злобная радость залила его – по сдавленному крику и стрекоту автоматов он понял, что попал в цель...

Сейчас пойдут...

Отложив в сторону винтовку – в глазах уже мутилось, и стрелять через оптический прицел да на таком расстоянии и было бессмысленно, старший урядник Волков выставил перед собой автомат, опираясь щекой о приклад. Только бы не упасть, только бы не потерять сознание, только бы...

Из мутной пелены дыма, навстречу столетним валунам молнией рванулся выстрел базуки. Гранатометчик, успевший зарядить свое грозное оружие, и даже через дым сумевший прицелиться был точен – реактивная граната лопнула вспышкой разрыва, отбрасывая казака назад и выбивая из него сознание. Но больше британцам ничего сделать не удалось, хоть они и победили – но все равно были обречены. В горячке боя, оглушенные взрывами гранат и грохотом стрельбы из нескольких стволов, они пропустили новый звук – нарастающий рокот авиационных моторов...

Племенная территория. Аден 11 апреля 1949 г.

Раньше проще было.

Старики еще помнят, коли будут в хорошем настроении – расскажут, нет – не обессудь. Личное это.

Раньше проще было – и воевали проще. Самолетов, танков – не было, винтовок и тем более автоматов – тоже. Верней, были пукалки, по выстрелу в минуту делали. Только шашка казаку – во степи подруга, только шашка казаку – во степи жена. Воевали – полк на полк, армия на армию, выехали, построились и... От боя не бегали, нет. И засад толковых тогда – тоже не было. Когда Кавказ умирjali – вот тогда с засадами столкнулись. Идешь ущельем каким – иногда глубина ущелья такая, что и днем темно, холодно, сыро, кони похрапывают, понуждать вперед идти приходится.

И тут – бах!

И все. И откуда стреляли – Аллах ведает. А вот только казаку одному – только с утра с одного котла кашу ели – не видать больше Дона. Сколько намучались тогда. Но сломили, завоевали Кавказ, стал он русским. Войско появилось казацкое – на Тереке.

А сейчас...

Самолеты, танки, автоматы. Напридумывали то... Фугасы – видано ли дело, идешь по своей земле как по чужой и вперед себя палкой тычешь, не копал ли кто. Не дело это, когда по своей земле как по чужой ходишь, ох не дело...

* * *

Триста одиннадцатый авиаполк смешанного состава был одним из экспериментальных соединений русской авиации или, если говорить казенным языком – «Его Императорского Величества русского воздушного флота». Часть его самолетов базировалась прямо в аэропорту Адена, что располагался южнее Максура, созданного британцами делового района. Вполне возможно, что место для аэропорта было выбрано не случайно – чтобы в случае чего быстрее было драпать.

Официально, полк числился учебным, но это было правдой лишь наполовину. Здесь не проходили обучение – здесь повышали квалификацию и учились летать в экстремальных условиях высокогорья. Здесь же проводилось первичное обучение посадкам на авианосец – основная учебная площадка для авианосных эскадрилий была в Крыму, а здесь проходили первичное обучение. Дело в том, что аэропорт Адена располагался как раз на островном перешейке, по ширине занимая его полностью, и самолеты взлетали и садились над самым Аденским заливом, а взлетная полоса заканчивалась как раз на берегу моря.

Поскольку авиаполк был смешанным – то и типов самолетов тут было удивительное количество – целых пять. Здесь базировались двенадцать истребителей И-18, причем в авианосном варианте со складывающимися крыльями, из них шесть были в варианте ДД – дальнего действия и все они использовались для переподготовки летчиков на технику авианосного базирования. Здесь базировалось шесть «Дусь» – закупленных в Северной Америке и собранной из комплектов в Российской империи малых транспортных самолетов Дуглас ДС-3, рабочих лошадок военно-транспортной авиации... Дусям было больше всего работы – то и дело выбрасывали десанты, чтобы заблокировать банды, окружить их и уничтожить. Здесь же базировались восемь пикирующих бомбардировщиков ДП-3, при необходимости способных вести торпеды. Здесь базировались четыре Г-4 УТИ – самолетов первоначального обучения, использовавшихся здесь в качестве разведчиков. И, наконец, здесь базировались БШ-2, целых восемь штук.

Летный состав квартировал частично в городе – кто не боялся, а кто все – таки опасался – тот жил в казармах, наскоро построенных у самого края летного поля. Двухэтажных. Казармы эти стояли полупустыми – ибо гонор в русских людях все же силен, а в армии – тем более, и русский офицер предпочтет тратить деньги на поднаем жилья и жить, по сути, на пороховой бочке – но только чтобы никто не смел сказать, что он чего то испугался.

Если раньше дворянство предпочитало служить в кавалерии, показывая свою лихость – то теперь, после ликвидации кавалерии как рода войск, мнения высшего света разделились. Часть дворян сочла, что последним прибежищем дворян остается флот, оставшаяся же часть сменила живого коня на стального – на скоростной истребитель. Всего в Адене базировалось двенадцать истребителей – и на них служили двенадцать дворян. Но был в полку и тринадцатый – сосланный.

Молодой князь Владимир Шаховской числил свой род от князей Ярославских и был прямым потомком Владимира Мономаха, величайшего из царей того времени. Несмотря на возраст – двадцать девять лет, почти тридцать – звание он носил всего лишь капитана, ибо три года назад был разжалован в рядовые и сослан на Восток за на шумевшую историю с дуэлью и оскорбление старшего по званию. Отделался легко – по совокупности за дуэль и оскорбление полагалась смертная казнь. Ссылка на Восток, в действующую армию – в конце концов, наказание не позорящее, точно так же раньше ссылали на Кавказ. Вот только в истребительную эскадрилью путь ему был уже закрыт, истребители были «белой костью», особым сообществом летчиков и опозоренного в свой круг они никогда бы не приняли. Собственно говоря, это и было самым страшным наказанием для князя Шаховского, одно время он даже подумывал застрелиться. А потом ничего, привык. И сейчас при посиделках с истребителями с иронией говорил: «Это вы там, в небесах, а мы тут низенько, низенько». Низенько у него получалось как «низенько», как из анекдота про польского еврея.

Капитан Шаховской был теперь первым номером – пилотом-штурмовиком на БШ-2, лицензионном германском Фокке-Вульф-189. Вот только если в оригинальном варианте Фокке-Вульф исполнял роль самолета для летнабов, летчиков— наблюдателей, а в последнее время еще и ретранслятора систем связи – то для Российской Империи германские и русские инженеры создали тяжелый противоповстанческий штурмовик, да так удачно, что теперь его закупали уже немцы для Восточной Германской Африки и Западной Германской Африки. И еще буры – для себя.

БШ-2, бомбардировщик – штурмовик, вариант два был сконструирован на заводах Гаккеля¹⁷ на основе лицензионного самолета-разведчика Юнкера. Он был создан в ответ на насыщение поля боя скорострельными малокалиберными пушками и для применения на ближнем Востоке, где самолеты часто подвергались обстрелам с земли из всех видов стрелкового оружия. Самолет этот был хоть и тихоходен – но отлично вооружен: четыре авиационные пушки калибра 23 миллиметра, два скорострельных пулемета и два контейнера с кассетными бомбами – по сорок восемь штук в каждом контейнере. Точность бомбометания была невысокой – но высокой и не требовалось: заходя на цель, штурмовик просто накрывал цель широкой полосой разрывов. Хвостовой стрелок располагал собственной стрелковой установкой калибра двенадцать и семь – для защиты от истребителей противника.

Вторым номером у Шаховского был поручик, со смешной фамилией Дубина – он даже не обижался, когда над ним подтрунивали по поводу фамилии. Невысокий, но крепкий белорус, способный завязать вокруг себя лом, удивительно незлобивый и не имеющий никаких карьерных притязаний, он как нельзя лучше подошел в пару к Шаховскому. Вообще, второй

¹⁷ Гаккель, Яков Модестович, выдающийся русский инженер и конструктор, в десятые годы представил несколько самолетов собственной конструкции, на которых было установлено несколько мировых рекордов. В этом мире благодаря государственным субсидиям стал крупным промышленником, построил несколько заводов, производивших самолеты, железнодорожную технику и грузовые автомобили.

номер в этом варианте самолета сидел спиной к первому и должен был прикрывать самолет от захода в хвост – но тут в хвост давно никто и никому не заходил. Шла обычная, муторная и монотонная летная работа – штурмовки, штурмовки и еще раз штурмовки. Банды, караваны с оружием. Британцы, конечно, баловались – но они над морем и не ходили, по взлету сразу ложились на правое крыло и с резким набором высоты уходили в сторону нагорья. Поэтому, все самолеты эскадрильи подверглись усовершенствованию – кормовой пулемет теперь смотрел на вверх, а вниз, под ноги стрелка, через специально прорезанный люк. Когда начиналась штурмовка – второй номер просто лупил из него по земле, особо и не целясь. ДШК есть ДШК, прилетит – мало не покажется...

Князь Шаховской снимал веранду в одном из трехэтажных, недавней постройки домах, на самом краю Максурса, у пляжа. Пляж был совершенно изумительный – не желтый, а черный, вулканического песка. Мансарда у пляжа стояла довольно дорого – но князь не скупился, ибо по вечерам можно было наблюдать прямо с веранды за очаровательными купальщицами. Русских здесь было мало – но длительное смешение кровей в одном из крупнейших портовых городов региона дало свой результат – красивее дам не было, наверное, километров на пятьсот отсюда в любую сторону. Если дамы средних лет еще носили паранджу почти поголовно – то молодые дамы ходили с непокрытой головой, купались в море и при случае не прочь были завести отношения с симпатичным русским офицером-летчиком. Особенно если тот красиво ухаживал, читал стихи собственного сочинения, танцевал европейские танцы и обещал прокатить на тренировочном самолете над родным городом – на это, по опыту князя Шаховского клевали две из трех.

Вот и этой ночью, поспать князю удалось недолго – не до того было – встал с глазами, как будто засыпанными песком. Позавтракать можно было в полковой столовой, благо кормили летчиков вкусно – но до столовой еще надо было дойти. А времени было пять часов утра¹⁸. Несколько раз подпрыгнув, приземляясь на всю стопу – чтобы восстановить контакт с реальностью – князь зажег спиртовку и стал готовить кофе.

Кофе здесь был просто великолепный – такого больше не было нигде¹⁹. Хоть его аромат полностью раскрывался только если сварить на костре, на открытом огне – но и на спиртовке он был великолепен. Местный кофе растет в высокогорье, при сильных перепадах температур и недостатке влаги и. Возможно поэтому зерен хоть и было мало – но вкус напитка получался удивительно насыщенным, терпким и каким-то маслянистым.

Кофе князь пил в самую последнюю очередь, прежде он утолил голод оставшейся со вчерашнего дня подсоленной лепешкой. Русские офицеры вообще в отличие от британских не пытались выстроить для себя отдельный мирок, кусочек Британии на континенте – а наоборот становились частью уже сложившегося мира. Они учили арабский в его неповторимом местном диалекте²⁰, они жили рядом с местными, питались тем же, чем они, делили с ними все радости и беды. Относились к русским по разному – где-то люто ненавидели, где-то предупреждали о появлении исламских экстремистов с недобрыми помыслами. Но везде – уважали, и как друзей и как врагов.

Откусывая от лепешки – она совсем заветрела, но вкус сохранила – князь в оба глаза смотрел на спиртовку и на стоящий на ней медный сосуд для варки кофе – джеззу. Это целое искусство – сварить нормальный кофе, князь учился этому у местных купцов. Нужно поймать

¹⁸ На арабском Востоке работают совсем по другому графику, для русского совсем непривычному. Вместо двух выходных один – пятница, как и предписано Кораном. Рабочий день начинается в шесть утра и заканчивается в час дня, обеденного перерыва нет. Обычно по окончании рабочего дня люди спят и просыпаются в 16–17.00 часов, под вечер. Все это из-за жары.

¹⁹ Прим автора – йеменский кофе и впрямь лучший в мире – вот только достать его сложно. Кофейные деревья вырубают, а на месте кофейных плантаций сажают кусты ката – наркотического вещества. Кат в Йемене жует каждый первый мужчина.

²⁰ Арабский язык настолько богат диалектами, которые настолько отличаются друг от друга, что впору задаться вопросом, а существует ли вообще такое понятие, как единый арабский язык, или это совокупность родственных языков?

момент, когда пена вспенится и рванется за край – и в этот момент снять джезву с огня. Обязательно – чтобы не пролилось ни капли. Если прозеваешь – получится не кофе, а помои.

Успел – накрыл огонь стеклянной лопаточкой, немного подождал, перелил получившийся напиток в небольшой, тоже медный, узкий и глубокий сосуд – только в таком чувствуется вкус настоящего кофе. Немного подержал, согреть пальцы – ногами было холодно и, ночуя на веранде, он прилично замерзал. Потом в два глотка, не смакуя – выпил.

Пелену сна – словно мокрой тряпкой смахнуло. Враз.

Ни в России, ни в Висленском крае, где служил его отец, ни в Священной Римской Империи не умели готовить кофе. Закладывать его нужно примерно в два раза больше, в пересчете на стакан воды – чем это принято в цивилизованных странах. Ни сахар, ни молоко, ни тем более запивать холодной водой – всего этого кофе не терпит, это варварство. Напиток должен быть предельно концентрированным, только в этом случае он дает настоящий заряд жизненной энергии. Настоящий кофе не смакуют, его пьют залпом – зато в следующие двенадцать часов можно ничего не есть, работать – и не ощущать усталости. Правда, потом – валишься в кровать как подстреленный.

Кстати – было бы с кем...

Позавтракав, князь стал собираться. Повседневная форма – русские дворяне всегда носили форму, потому что иначе их могли заподозрить в трусости. Тем более – летная, светло-синяя. Трость – из местного дерева, выделки одного малоизвестного мастера – со стреляющим устройством на один патрон внутри, здесь такие тоже носили почти все. Пояс – роскошный, заказной, из телячьей кожи, проклепанный медными заклепками, не штатный, но смотрящийся просто шикарно. В ручной выделки кобуре – Маузер-712, тоже извечный выбор русского офицера на Востоке, больше половины покупали оружие за свой счет, и почти всегда выбор падал именно на Маузер. Пистолет и легкий карабин в одном лице. Верней – в одном стволе.

Квартирных хозяев бояться было нечего – он последнее время не проигрывался, и долгов у него не было – поэтому на улицу князь спустился, весело насвистывая при этом местную популярную мелодию. Вид у него при этом был весьма несерьезный – однако перед тем как выйти на улицу, он оттолкнул дверь тростью и несколько секунд присматривался – не ждет ли его на улице комитет по встрече. Только потом – вышел.

До аэродрома он всегда добирался пешком, благо, что недалеко. У него не было автомобиля, не было лошади или осла – но был мотоцикл. Самый настоящий британский гоночный БСА, трехцилиндровый. Настоящий зверь, иначе и не скажешь. Как то раз он баловства ради набрал двести тридцать на аэродромной взлетке – это было по-настоящему жутко. Словно летишь на бреющем – и бетонка в паре десятков сантиметров от твоего колена. Такого он не испытывал даже на истребителе. Жаль, что по-настоящему погонять на мотоцикле здесь и негде – нормальных дорог и в городе то почти нету...

Несмотря на внешне беззаботный вид, преодолевая короткое расстояние до аэродрома, князь присматривался по сторонам. Его научил этому отец, хлебнувший со своим полком лиха во время мятежей в Висленском крае. Внешне не представлять собой ничего особенного – но на самом деле все подмечать и все видеть. Торгуют ли торговцы – если дело плохо, то торговать, рисковать товаром не будет. Не закрывают ли ставни – посреди бела дня. Не малолюдно ли на улице – а с чего бы это? Не собирается ли около ограждения части толпа, не шляются ли посторонние с непонятными целями. Все подмечай – и врагу никогда не удастся застать тебя врасплох.

Тогда ты останешься жив.

У газетного торговца – а тут торговцы работали уже лет десять, все больше и больше йеменцев, особенно в городах умели читать и писать – князь купил Биржевые ведомости, приходящие сюда с опозданием на пять дней и местную Звезду Востока с типографией и редак-

цией в Багдаде. Нива еще не пришла, рано. Читать не стал, свернул и засунул под мышку – на аэродроме можно прочесть. Несмотря на то, что солнце только встало из-за горизонта, из хладных пучин океана – уже начинало припекать...

Авиаполк был отделен от общей, гражданской территории аэропорта колючей проволокой в два ряда, летный состав проходил через КП, устроенный по всем правилам военной науки – с кирпичными укрытиями для личного состава, с пулеметными стволами, торчащими из амбразур, с бетонными блоками, не дающими прорваться к шлагбауму на скорости. Исламисты ненавидели летчиков – небо было полностью за русскими, стоило только замешкаться – и на тебя обрушивалась неотвратимая, воющая смерть. Попытки прорыва на аэродром были, были и обстрелы – поэтому командование части предпринимало все возможные меры предосторожности.

Вольноопределяющийся, который проверял документы, был князю хорошо знаком.

– Что нового, Дончак?

«Вольник», с шикарными запорожскими усами и смешной фамилией пожал обтянутыми серой, с бурыми пятнами гимнастерки.

– Та ничего нового, пан летак... – Дончак говорил на смеси русского и польского, типичного для тех мест, откуда он родом – только в ночь обстреляли нас

– Обстреляли?

– Почитай тридцать мин на взлетку. Направляют зараз...

Вот это номера... И как же надо было спать, чтобы не услышать такой канонады...

– По ангарам не попало?

– Кубыть нет.

Князь дружески хлопнул вольноопределяющегося по плечу, шагнул на территорию части.

На взлетке и впрямь работала техника – видно было даже отсюда. На военных аэродромах покрытие взлетно-посадочной полосы состоит из плит, быстро заменяемых после обстрела или бомбежки. Здесь же был гражданский аэродром, так его мать, гражданская полоса – и поэтому про полеты на сегодня следовало забыть. Взлетит только Г4, он и с поляны лесной взлететь может. А вот гордым соколам – сегодня отдых. Хотя, с их комполка – какой к чертовой матери и отдых...

Занятия устроит – к гадалке не ходи.

Его БШ-2²¹ располагался во втором ангаре, почти на самом краю поля – и именно туда он направил свои стопы, ибо плох тот летчик, который с утра первым делом не поинтересуется здоровьем своего железного скакуна, покорителя небес. Ангар, к облегчению Шаховского стоял нетронутым, ворота были распахнуты настежь и двое техников под командой сутуловатого, в очках, чахоточного вида инженера возились именно с его машиной.

– Доброго здоровья – вежливо, не по уставному поздоровался князь, ибо его отец учил его, что аристократия отличается от быдла вежливостью и обходительными манерами даже с нижними чинами. А опыт боевого (тут шла настоящая, без шуток, война) летчика подсказывал, что вернется он на аэродром или нет после очередной штурмовки какой-нибудь банды – это зависит не только от него, но и от тех людей, кто готовит самолет к вылету.

– Доброго здравия и вам, Ваше благородие – на секунду оторвались от работы техники. Техниками они были в первом поколении – от сохи, из нищих, безлошадных деревень центральной России, подавшиеся от бескормицы в город и закончившие «за счет Государя» техническое училище с обязательством десять лет отслужить на военной службе. Пройдет десять лет – и они будут готовить к полетам уже гражданские машины, или их возьмут на какую фаб-

²¹ БШ – Бомбардировщик-штурмовик. Изготавливался в городе Тверь, где был построен один из основных авиационных заводов страны. Самолет БШ-2 примерно соответствует знаменитому Ил-2.

рику – люди после армии там ценятся, они порядок знают. А с авиации и вовсе – без вопросов, ибо авиация учит скрупулезности, придирчивости и мелочности в технических вопросах. Самолет – не танк, сломается – технички не дождешься...

Князь поздоровался за руку с инженером, летным техником первого класса Васильченко, кивнул в сторону – отойдем мол.

Отойдя, первым делом Васильченко закурил сигарету, турецкую, черную и вонючую. Эта привычка убивала его, доктор запретил курить строго настрого, но он все равно курил, мотивируя тем, что живем один раз. Князь отступил чуть в сторону, чтобы сигаретный дым уплывал в распахнутые ворота ангара, не отравляя обоняние. Он курил только местный наргиле²² – и то под настроение, а табаком – брезговал.

– Не попало?

– Нет, господин капитан. Бог миловал.

– Кого задело?

– То и странно – никого.

– Никого?!

– Истинный Бог – никого! – Васильченко истово перекрестился

Князю что-то не нравилось – но он пока не мог понять что. В произошедшем не было смысла – целить должны были в самолетные ангары.

– Коллиматор выставил?

– Выставил, проверил.

– Давление проверь. Травит, где то.

– Сделаем, господин капитан. Приземлились на сегодня...

– Прямо на задницу... – мрачно сказал князь – я позавтракаю и сюда. Вместе весь самолет переберем, коли не полетать сегодня.

* * *

Столовая – летчики мрачно называли ее «Ресторан две звезды Мишлен»²³, располагалась в старых британских одноэтажных казармах, на другом краю поля. В свое время захватившие город постанцы отсюда поспешно драпали – а русские им в этом помогали, наступая на пятки и обстреливая их главным калибром подошедших к берегу крейсеров. Бывшему зданию казарм досталось меньше всего – в итоге их отремонтировали и оборудовали как столовую для летного и технического персонала части. Правда, по проекту было два этажа, теперь осталось один – но это все, согласитесь, банальности и мелочи. Главное, что кормили там хоть и без изысков, но сытно. С шоколадом²⁴. Единственно, по чему князь скучал, так это по сметане. В Висленском крае она входила в довольствие, а тут – ну не было тут сметаны!

Поскольку летчики считали себя «белой костью» – то и оборудовали свою столовую они как только смогли – с фарфоровыми тарелками, купленными вскладчину, с картинами на стенах, репродукциями но тем не менее, и даже со стыдливо прикрытым легкой шторкой «контрабандным» кальяном – командование кальян упорно не замечало. Да, некоторые подбавляли в курительную смесь и «зеленый сон» – но только после вылета, и в ограниченных пределах. Сами летчики следили друг за другом – звено штурмовиков состоит минимально из двух

²² Наргиле – ароматизированная табачная смесь для кальяна, табака в ней обычно бывает пятьдесят процентов и даже меньше. Часто в наргиле добавляют легкий наркотик – но это для желающих.

²³ Старый добрый туристический гид Мишлен сохранился даже после германской оккупации. Его агенты обедали в ресторанах и присваивали им звезды. Даже одна звезда – большое достижение, две – ресторан высшего класса, таких на весь мир было около тридцати!

²⁴ прим автора – большая часть рассказов о том, что в русской армии кормили червивым мясом была выдумана после революции, чтобы очернить старые порядки. На самом деле, всякое бывало – но если где и кормили плохо, так это в пехоте. В кавалерии, а особенно на флоте такого не было. Был такой обычай – при посещении части Государь снимал пробу с пищи, которой кормят рядовой состав. А посещения иногда были внезапные, и быстро заменить червивое мясо на нормальное – такой возможности не было.

машин, истребительное звено – из четырех. Если хоть один не готов – погибнуть могут все, игра шла жесткая, без вариантов. Поэтому, по утрам никто и не думал подойти к кальяну.

В большом котле уже сварилось мясо – баранина с каким-то африканскими специями, делающими мясо соленым и жгучим. Его ели крупными кусками, которые за двенадцать часов готовки пропитывались рассолом – так было вкуснее. Кофе был не домашний, обычный, из большого сосуда – но неплохо и так, учитывая изумительные качества исходного продукта. Орудия вилкой и небольшим складным ножом, капитан Шаховской принялся поглощать обжигающую нёбо баранину...

– Влад!

Князь недоуменно поднял глаза

– Ты что здесь сидишь?

– Не видишь – завтракаю... – недоуменно сказал капитан своему сослуживцу по полку, лейтенанту Гуревичу

– Бросай все! Там Грибов из-за тебя всех на ноль умножает.

Князь поудобнее перехватил вилку

– Из-за пяти минут боевая подготовка полка не пострадает. Скажи, что я иду от ангаров...

Как и все пилоты истребительной авиации, пусть и бывшие, князь Шаховской был гонористым, а княжеский титул и толика польской крови в жилах делали его гонористее втрое. Махнув рукой – бесполезно – Гуревич побежал обратно...

Неспешно доев мясо – проварилось и впрямь хорошо, выпив еще большую кружку более-менее приемлемого кофе, капитан, князь Шаховской направился к новым казармам...

* * *

Занятия по теоретической подготовке летного состава проводились на втором этаже новых казарм, в специально отведенном для этого зале, обвешанном плакатами с изображением боевой техники вероятного противника. Последним плакатом, появившимся на стене, было изображение новейшего реактивного истребителя британцев под условным названием «Лайтнинг», молния. Инглиш Электрик, английские электрики, так их мать постарались, подкинули проблем русским авиаторам. Конец сороковых годов вообще ознаменовался началом коренного обновления авиационного парка. Старые добрые поршневого истребители – все эти Мессершмиты и Дорнье, Гаккели, Северские²⁵ и Дуксы, Ворхоки и Тендерболты, Си Фьюри и Харрикейны – все они сходили со сцены, уступая регалии королей неба машинам доселе невиданным. Вместо обтекаемых форм поршневого – словно бочка с прилепленными к ней плоскостями, летчики даже брезговали попервой летать на таких машинах. Но все испукала скорость – необычная, дьявольская, за тысячу километров в час...

Князь попытался зайти в класс незамеченным – но это ему как всегда не удалось. Стоявший у доски – здесь была доска на стене как в гимназии, комэск, майор от авиации Петр Порфирьевич Грибов оборвал свою речь на полуслове...

– Господин капитан Шаховской... – Грибов недолюбливал дворян, хотя князь не мог понять за что как мило с вашей стороны, что вы соизволили присоединиться к нам. Если уж вы здесь – не соизволите ли вы немного рассказать нам о среднем британском бомбардировщике Веллингтон и особенностях борьбы с ним.

²⁵ Александр Николаевич Прокофьев-Северский – в нашем мире военный летчик первой мировой войны, затем помощник военно-морского атташе в США. Революцию не принял, стал невозвращенцем. Организовал фирму «Северский Эйркрафт», построившую немало прекрасных самолетов, последним из которых был F105 Тандерчиф, реактивный истребитель-бомбардировщик. Во Вьетнаме эти машины использовались как «Wild weasel», дикие ласки, охотники на зенитно-ракетные комплексы противника. Это самое опасное, что только может быть в авиации. В этом мире Северский стал основоположником реактивной авиации Российской Империи, построил немало прекрасных машин, в том числе знаменитые С-33, С-34, и С-56.

Несмотря на то, что чистых истребителей в зале было немного – командование авиации добивалось того, чтобы истребительную науку знали как можно большее число летного состава. Все понимали, что случись война – и первым делом придется бороться за господство в воздухе, имея противниками многочисленные авиакрылья с британских авианосцев и эскадры тяжелых бомбардировщиков. Борьба эта обещала быть тяжелой, кровавой и иметь подготовленный летный персонал на запас было жизненно необходимо. Когда начнется – учиться будет уже поздно.

– Охотно, господин майор – средний бомбардировщик Веллингтон, назвал так в честь города в Великобритании. Вас интересует «Марка один» или «Марка два», господин майор?

– Марка два будет интереснее, господин капитан

– Веллингтон Марка два, вырабатывается на заводах корпорации Веккерс, Великобритания. Моторы – либо Роллс-Ройс, либо Бристоль-Пегасус, менее мощные. Нормальная бомбовая нагрузка – примерно тысячу двести килограммов, максимальная – одна тысяча восемьсот. Максимальная скорость четыреста тридцать километров в час, крейсерская двести девяносто. Оборонительное вооружение – шесть пулеметов Веккерс, один пулемет в носовой установке, один пулемет – в астрокуполе²⁶ и по два – в хвостовой установке и в убирающейся подфюзеляжной. Имеются специальные модификации – самолет торпедоносец, транспортный самолет для буксировки десантных планеров и заброски малых групп противника за линию фронта, самолет с РЛС для наведения истребителей и управления боем²⁷.

– Это понятно, князь, я уверен в вашем знании матчасти. Охарактеризуйте самолет как возможного противника в воздушном бою, возможную тактику его применения, борьбы с ним.

– Самолет слабый, довольно тихоходный по нынешним временам. Скорость у него меньше, чем даже у более тяжелого «Вашингтона», не говоря уж о шестимоторнике «Веккерс Британия». Бомбовая нагрузка небольшая. При сопровождении этих самолетов истребителями, даже поршневыми возникнут проблемы связанные с разницей в скоростях. У того же Спитфайра крейсерская скорость больше километров на сто пятьдесят. Значит, при совместном полете либо истребители прикрытия будут идти в неоптимальном для себя режиме, либо бомбардировщики. Отсюда проистекает основная тактика борьбы со смешанными группами самолетов противника – бомбардировщиками с истребительным прикрытием. Полное звено – двенадцать машин делится на две группы – восемь и четыре машины. Большая группа должна атаковать сковать боем самолеты прикрытия. Они вынуждены будут либо увеличить скорость, либо их просто посбивают один за одним. Если они увеличат скорость – то оторвутся от бомбардировщиков. Меньшая по размеру группа атакует и выбивает бомбардировщики, действуя парами...

– Хорошо. Капитан, ответьте, с каких ракурсов Веллингтон максимально уязвим?

Князь ответить не успел – по нервам резанул сигнал тревоги...

* * *

– Вашу мать, Рубеж, я не могу поднять машины! У меня вся полоса – в ямах, самолет – это вам не танк и не автомобиль!

...

– Я говорю, не могу. Как минимум час еще нужен на ремонт! Нет, штурмовик тоже не взлетит, все полосы закрыты. Гражданский тоже. Так точно. Есть.

...

Закрыв глаза, капитан Шаховской стоял – как раз под открытым настежь окном, где располагался полковой штаб. Нет, он не подслушивал, аристократ не будет подслушивать. Он вышел – чтобы лицо немного загорело, хотя куда уж там... В Адене было опасно загорать,

²⁶ Астрокупол – пулеметная установка на фюзеляже самолета, сверху – то есть как бы «с крыши».

²⁷ Прим автора – аналоги машин AWACS в нашем мире появились еще в Третьем Рейхе. Так что – в 1949 году такая машина у британцев вполне могла быть.

солнце здесь было другим, жестоким. При короткой стрижке загорала кожа головы – сквозь волосы! Если не надел шляпу – запросто получишь солнечный удар. Люди здесь делались нервными, срывались по пустякам, много плакали. Британцы – когда эта земля принадлежала им – лишали на два года избирательных прав соотечественников, вернувшихся из Йемена. Считалось, что психика их серьезно подорвана и люди нуждаются в реабилитации.

А еще князь думал. Потому что если где то забивают колонну, а они не могут взлететь – это позор. Надо что-то придумать – и обмануть тех, кто обстрелял базу.

– Васильченко... – не открывая глаз, позвал князь

– Я здесь, ваше благородие...

– Ты помнишь, как полеты с авианосной палубы отработывали, когда здесь тренажера полноценного еще не было.

– Как ваше благородие?

– Машину цепляли на сцепку и...

– А... помню, ваше благородие.

– Машина та еще есть?

– Должно быть есть. Куда ж ей деться. На ней, по-моему, самолеты таскают, как раз она как тягач сделана.

– Проверь.

– Есть.

Васильченко убежал. Князь еще какое-то время смотрел на нестерпимое, проникающее даже сквозь кожу век солнце, потом повернулся и пошел обратно в штаб...

* * *

Майор смотрел на князя Шаховского так, как будто тот предложил ему перелететь всем полком и совершить посадку в Итальянском Сомали. Или вступить в содомическую связь прямо здесь, в кабинете, на столе.

– Капитан... Вам голову напекло, сударь. Идите, выпейте холодной воды.

– Никак нет, господин майор. План реальный.

– Какой реальный?! – взбеленился майор – это предпосылка к тяжелому летному происшествию! Это что придумали, с рулежки взлетать, да еще в сторону жилых кварталов! А зараз грохнетесь?! Нас всех за это так вздрючат!

Князь с интересом, словно первый раз все это видел, рассматривал кабинет комэска, майор от авиации Грибова. Потрепанный, старый стол, с письменным прибором – в чернильнице стоит перо и засохли чернила, хотя все давно писали ручками и карандашами. Пыльные, с драной обивкой колченогие стулья, засиженный мухами портрет Государя в рамке. Карта с нанесенной обстановкой, истыканная иголками на всю стену.

– А что, за погибших нас не вздрючат? – тихо, но четко спросил князь – за погибших вздрючат других? Это бесчестие, сударь!

Комэск медленно наливался багровым, бурачным соком, дыша как загнанный зверь

– Князь Шаховской, извольте выйти вон!!!

– Честь имею!

Повернувшись через левое плечо, чеканя шаг, князь вышел из кабинета.

* * *

Князь отводил комэску на то, чтобы успокоиться двадцать минут, но Грибов появился через пятнадцать. Он служил здесь не первый день и хорошо знал характер своего непосредственного начальника. Первой реакцией на такое предложение, дерзкое и выходящее за рамки правил – ярость. Просто человеку надо дать прокричаться – а потом он начнет соображать. Причем соображать, как никто другой. Такой нрав у командира – что поделаешь.

– Капитан Шаховской ко мне!

Капитан, стоящий в тени под навесом и обсуждавший с воентехником Васильченко детали предстоящего взлета повернулся, подошел к комэску Грибову, который уже привел себя в более-менее рабочее состояние.

– Кратко – как?

– Цепляем за тягач. Помните, как отработывался взлет с палубы авианосца? Зацепка за крюк, выход двигателя на режим и – взлет. Машина эта теперь как тягач используется.

– Как ты зацепишь бэ-ша за крюк?

– А кто сказал про бэ-ша, господин майор – удивился капитан – я на сорок третьем²⁸ собирался лететь.

Майор с силой провел руками по коротким, рано поседевшим волосам

– На Северском... Там же...

– Две бомбы на двести пятьдесят и четыре пулемета – крупняка. Серьезной зенитной артиллерии здесь не будет.

– С бомбами ты не взлетишь.

Капитан наскоро прикинул – комэск говорил дело. Когда взлетаешь с короткой дорожки – а ведь даже авианосная палуба длиннее! – тут будет иметь значение каждый килограмм веса самолета.

Справится ли он с четырьмя пулеметами? А почему бы нет? Муртазаки боятся самолетов как огня, в их понимании это кара Аллаха, посланная с неба. Кроме того – они подумают, что если появился один самолет – скоро появятся и другие. Свои приободряются – всегда приятно, когда тебя с воздуха прикрывают. Да и град пуль калибра 12,7 – не подарок на день Ангела.

– Добро, с бомбами я не взлечу. Но пулеметы с полным БК, лишним не будут. Где это?

– Отметка сто один и три. Семьдесят пять километров.

Князь прикинул – близко. У штурмовика радиус действия – больше в четыре раза. Значит, топлива можно тоже не под горлышко брать. Три четверти баков хватит – с лихвой.

– Добро – сказал князь одно только слово, ставя свою жизнь на кон и не жалея об этом.

* * *

Самолет снарядили быстро – он собственно и был снаряжен, утром собирались отрабатывать упражнения по сопровождению. Благо неподалеку болтался корабль Его Величества Инвизибл, у самого Баб эль-Мандеб. Британцев сюда никто не звал – и значит, сам Бог велел поднять в воздух восьмерку штурмовиков, подцепив на центральной подвеске каждому по старой доброй торпедой и поиграть британцам на нервах. Появиться на предельно малой – и лихо, ревушим вихрем, ангелом смерти пройти на самой летной палубой, сбивая с ног воздушной волной бегущих к самолетам британцев. А потом резко на вираж и в сторону берега и пусть догоняют. Но – получилось что не судьба. А на деле – вот как получилось.

Самолет «одолжил» сам Шилов – летчик-инструктор первого класса, натаскивавший здесь новобранцев. На его самолете красовалась восьмерка треф – знак профессионала, аса. Самолет – Северский С-43 заправили, залил в баки половину от положенного, загрузили боекомплект. Сейчас, князь Шаховской, одетый в летный комбинезон, стоял опершись на плоскость и выслушивал хозяина самолета. Майора Шилова он понимал – у самого бы душа не на месте была, случись ему самолет в чужие руки отдать...

– Имей в виду, на низкой самолет чуть козлить начинает, у него аэродинамика не та, это не твой тяжелый двухмоторник. Ты ручкой нежнее, нежнее – и все нормально будет.

Шаховской кивнул

²⁸ Ш-43 – нечто среднее между Юнкерс-87 и Ил-2. Тихоходный, тяжелобронированный штурмовик. Как у Ю-87 стационарное шасси. На Востоке они служили долго, до того как вертолеты появились – потому что тихоходность и способность пикировать давали им немалые преимущества.

– Он, когда на левую плоскость встаешь, чуть задерживается, там трос чуть ослаб. И не рискуй со штурмовкой. Пикировка – там автомат вывода есть, только на кнопку нажать.

– Понял, господин майор.

– Еще вот что. Лаз на сто один и один помнишь?

– Летал...

– Бери левее. Там ветер нехороший. Лучше выше заberi – по скале на незнакомой машине только так размажет.

– Так точно.

– Господа, готово... – подошел раскрасневшийся Васильченко, зачем-то отдал честь. Князю внезапно пришло на ум выражение из какой-то пьесы: О император Константин, идущие на смерть приветствуют тебя. Здесь и сейчас происходило что-то в этом самом духе.

– Ни пуха...

– К черту.

Неуклюже, как это и всегда бывает в тесном и плотном комбинезоне, князь забрался в кабину, кто-то закрыл за ним фонарь. Так, на стопор – есть. Руки сами вспоминали порядок подготовки к полету на старого образца штурмовике...

Посторонние предметы в кабине – нет, рули и плоскости – выставлены правильно, ручку слушаются. Кран воздушного баллона – открыт, повернуть до деления 50 атмосфер, триммер рулей высоты нейтрально, шаг винта на максимум. Температура масла пятьдесят, наддув на первую ступень, пошел!

Техник, только что подсоединивший внешнюю воздушную магистраль в специальный лючок в крыле, крутанул винт – и двигатель зачихал, пробуждаясь ото сна. Капитан при этом ощутил восторг такой, что не описать словами – как будто первый раз в кабине сидишь. Все равно – истребители – особая каста и он принадлежит к ней.

Не до восторгов.

Малый газ, медленно растут обороты мотора, винт постепенно растворяется в воздухе, превращаясь в мерцающий диск. Чуть заметная дрожь пронизывает корпус, весь самолет – как гончая, готовая сорваться со смычка.

То, что они делали – в нормальных обычных обстоятельствах никто на это не пошел бы. Так взлетали на первых, переделанных из крейсеров авианосцах. Самолет цепляли за крюк, увеличивали обороты двигателя – и потом отпускали стопор. Малейшая ошибка – и самолет просто кувыркнется на нос, поэтому такие трюки проделывали только опытные и хорошо подготовленные летчики морской авиации. Князь же, хоть и прошел полный курс подготовки морского летчика – истребителя – в кабине этого самолета он не сидел уже как минимум полгода. И, тем не менее, он решил рискнуть²⁹!

Семьсот пятьдесят. Тысяча. Тысяча двести. Растут обороты, растет температура масла в двигателе, самолет пытается сорваться с места – но крюк зацеплен за стопор, а стопор – установлен на восьмитонном грузовике, тягаче, раскорячившемся у ангара и вцепившемся лапами-упорами в бетонную твердь. Одна ошибка – и самолет вертанет вперед, винт моментально разлетится на куски, когда лопасти ударятся об бетон – и эти лопасти полетят во все стороны, калеча и убивая все, что попадется им на пути. И в кабину обязательно прилетят осколки винта, к гадалке не ходи...

Тысяча пятьсот

Как только срыв – сразу ручку на себя. На себя...

Тысяча семьсот. Тысяча девятьсот. Две сто...

²⁹ Возможно кто-то, прочитав это, посоветует автору обратиться к психиатру. Но не спешите – такой способ взлета с ограниченных площадок существует и хорошо практикуется. Его постоянно практикуют в Мексике и Колумбии, когда взлетают с тайных аэродромов на небольших самолетах, груженных наркотиками.

Князь поднял руку и Васильченко – он тоже смертельно рисковал, стоя у самого призрачного диска, моментально повторил его жест. Сейчас все зависит от синхронности действий трех человек...

– Две триста!

Князь крикнул это во весь голос – и воентехники Васильченко, словно услышав его, махнул рукой и ничком упал на бетон. Самолет дернулся, освободившись от стопора, словно норовистая лошадь – и капитан моментально отдал ручку, регулирующую шаг винта назад, парируя желание самолета опрокинуться вперед, на винт. И с чувством восторга убедился в том, что самолет выпрямился и его неудержимо влечет вперед...

Давно он так не взлетал. Без рулежки. Безо всего.

Непрогретый движок работал чуть громче, чем должно было быть – но это влияет всего лишь на ресурс, а не на способность взлететь. Самолет слегка трянуло на стыке бетонных плит, потом еще раз – но скорость неудержимо росла. Город неудержимо надвигался – пыльный, чужой, опасный...

Двести двадцать!

Ручку на себя – и нос самолета отрывается от земли. По правилам, нужно держать высоту один метр, пока скорость не возрастет до двухсот семидесяти, иначе есть угроза срыва самолета в штопор, смертельный на такой высоте – но делать нечего. Самое страшное – это когда нос самолета уже смотрит в небо, но ты чувствуешь, что тяги для отрыва-то от земли хватило, а вот для набора высоты не хватает, и самолет просто не тянет. И ты со страхом ждешь – либо срыв и самолет просто провалится вниз, ему не хватило подъемной силы, либо – винтом чиркнет по крышам домов и – катастрофа. Никто и никогда так не пробовал взлетать – в сторону города, если и взлетали – то с запасом по разбегу и – в сторону моря.

И все-таки взлетел. Взлетел!

– А-х-а-а-а-а-а!!!!

И синее небо – без края над головой. Взлетел!

Чуть выровняв самолет – скорость была уже двести тридцать и медленно, но устойчиво росла – Шаховской осмотрелся, пытаясь понять – где он, получалось, что он шел над соляными полями по самой кромке залива – тут были поля, на которых добывали соль – и шел он в сторону аденского нагорья, мрачно высившегося неподалеку. Город Аден вообще, по сути, стоял на нагорье, а частью – в огромном кратере давно потухшего вулкана. Поэтому выражение «Мы здесь как на вулкане» именно здесь – не лишено было смысла...

С первым разворотом он рисковать не стал, дождался установленной правилами скорости и начал выполнять. С непривычки слишком сильно отработал рукояткой – и самолет шаркнулся в сторону словно лошадь, которую лошадинок ожег кнутом. Автоматически парировал – но все равно было неприятно, так пилотировать нельзя. На БШ-2 ручка куда тяжелее, вот и прищипыв на штурмовике – бомбовозе летать. Надо переучиваться и прямо сейчас.

Осмотрелся по сторонам – по секторам никого не было, все чисто. Оно и понятно – аэропорт для полетов закрыт как минимум до завтрашнего дня. Непривычно и даже страшновато лететь, чувствуешь себя голым – на его «Рама» кругом броня, а тут фонарь как на истребителе, стекло, правда, толстое – но все же. Сделал пару легких упражнений, чтобы свыкнуться с самолетом и почувствовать его, стать его продолжением. Разворот без скольжения – отлично, шарик остался на месте. Еще один разворот, уже со скольжением, так... отличненько!

Петлю Нестерова делать не стал – потому что его ждут, да и не приспособлен сорок третий под такие петли. Сектор ответственности он знал идеально, штурмовики летали именно над землей. Сбавив скорость до двухсот пятидесяти пяти и затягив винт, князь уверенно повел своего стального коня в сектор где его ждала беда...

Место боя он увидел почти сразу, едва перевалив хребет и пойдя на север, едва не царапая крыльями пики гор. Уже километров в трех он увидел, что помощь опоздала – в ущелье

что-то горело, фигурки людей и лошадей, разорванных минометным огнем, странным диссонансом вписывались в камни и чахлую зелень ущелья. Кто-то был жив, были и лошади, видимо сбросившие седоков – но живых было до ужаса мало. Заходя на разворот с набором, высоты князь обернулся, на мгновение охватил взглядом все ущелье – и понял, что погибших и искалеченных будет никак не меньше тридцати душ. Давно такого не было...

Чего они машут...

Двое или трое махали руками, возможно из последних сил, показывая на восток. Что обстреляли оттуда?

Сейчас разберемся...

Увеличив скорость до двухсот восьмидесяти, капитан пошел на восток, он чуть набрал высоту и снова перешел в горизонтальный полет. Из кабины сорок третьего обзор лучше, чем из его Рамы, в том числе и вниз.

Вот они!

— С..и!!!!

Князь ничуть не сомневался, что они – больше некому. Два грузовика на тропе, один кажется, подбит, чуть ли не над пропастью колесом висит. Грузовики явно не армейские, хотя на одном... пулемет что ли. И эти... как крысы расползлись... кто на дороге, за грузовиками прячется, кто уже на склоне, а там что? Гранатомет?

Ах, так вы еще и стреляете... Тогда явно муртазаки.

Увидев заходящий на них с запада штурмовик, муртазаки переполошились и сделали одну ошибку, но смертельную. На дороге непонятно, кто и что, штурмовик на месте висеть, чтобы рассматривать не может, на такой скорости все смазано. Может свои, может беженцы, может купцы какие от засады отстреливаются – мало ли? Но если огонь по самолету открыли – тут уж явно чужие, бандиты, и никаких вопросов на этот счет быть не может. А сбить из ручного огнестрельного оружия атакующий штурмовик— это уже из области фантастики...

Бомб не было – но были пулеметы, авиационные, скорострельные. Заходя на вираж – он решил набрать высоту и потом атаковать пологим пикированием – князь сбросил стопоры пулеметов, приводя их в боевую готовность, перешел в пологое, под сорок пять градусов пикирование, впился глазами в коллиматор.

Пошла, родимая...

Самолет знакомо задрожал, в прицеле надвигалась чужая, пыльная и бесплодная земля, перепыхиваемая сразу четырьмя крупнокалиберными пулеметами. Каждая пуля весила сорок с лишним граммов, при попадании в землю на этом месте образовывался такой султанчик земли, типа микровзрыва. При попадании в машину было видно, как в кабине, в кузове одна за другой появлялись рваные дыры. Когда же пуля калибра двенадцать и семь врезалась в человека – на этом месте появлялось красное облачко и в разные стороны летели куски человеческой плоти.

Штурмовик чертом промчался над обездвиженными машинами, израсходовав примерно треть боезапаса, на развороте князь на мгновение обернулся и с удовлетворением отметил, что один из автомобилей уже занимается дымным, чадным пламенем.

Вот так вот... как казаков издали расстреливать так это нормально – а вот теперь своего же кушанья и отведайте!

В оппозиционной прессе шла дискуссия о том, морально или нет применять в ходе замирения Востока штурмовики, танки, артиллерию, в том числе и корабельную. Нормально ли это – расстреливать, например обнаруженную с воздуха колонну конных бандитов, заведомо зная, что они не могут ничем ответить. Война ли это – или все же военное преступление, преступление против человечности, требующее суда?

Вот как раз здесь и сейчас, сидя в ревущем штурмовике, стремительно проносящемся над ущельем, где разбомбили казаков, капитан и дал себе окончательный и бесповоротный

ответ на этот вопрос. Да, летчики тоже читали газеты, в том числе и оппозиционные и тоже задавали себе такие вопросы – праведно ли то, что они делают. Праведно! Ведь когда у бандитов непонятно как появилась возможность выставить минометы и накрыть с дальнего расстояния минами казачью полусотню – они не стали колебаться в своем решении, они просто взяли и сделали это. Они ведут войну и используют любые доступные возможности. Они убивают не только военных и казаков, и не только русских – они убивают и своих, местных, тех, кто осмелился не дать им ослов или лошадей, кто осмелился отказаться сообщить им, где живут русские, кто осмелился отказаться участвовать в очередном злодейском террористическом акте, кто не захотел бить русским в спину. Они готовы на любое злодеяние, для них нет никаких правил, они даже не почитают Бога, хотя по пять раз в день лицемерно встают на намаз.

Значит и он расстреляет этих, а потом вернется и вечером выпьет за помин их душ. А назавтра уже все забудет...

С разворота прошел еще раз, обрушив град пуль на склон и перепахивая его – так что тропу на склоне затянуло поднятой пулями пеленой. Ушел на разворот и...

Черт...

Двигатель. Растет температура двигателя. Неужели попали? Да быть того не может..

Размышлять было некогда – надо было возвращаться. Все что он мог – он сделал, да и боезапаса осталось – меньше трети. Надо возвращаться...

Начал уходить вправо с набором высоты – по его прикидкам правее должна быть дорога, основная дорога в этих горах, ведущая на Сану и дальше, вглубь материка. Надо набрать предельную высоту, пока можно, если мотор все-таки и остановится – у него будет время выпрыгнуть с парашютом. Хотя угробить чужой самолет – по меркам летчиков это самое настоящее хамство.

Самолет слушался ручки управления, мотор не подавал никаких намеков на то, что он перегрет – но лампочка не унималась, мерцала зловещим красным глазком. Черт, может приборная панель...

Дорога!

Дорога серой, жирной змеей ползла по горным склонам, ныряя в ущелья и выползая вновь на серое, пыльное плоскогорье. И там, на этой без счета сколько раз проклятой казаками дороге, недвижимо стояла, а частью – и горела, пытаясь отстреливаться, колонна.

Да что же это такое сегодня...

Племенная территория. Дорога на Сану. Конвой. 11 апреля 1949 г.

Хорунжий злобно выматерился, не открывая глаз – тряхнуло так, что он здорово приложился головой о броневую лист. Здесь как раз был стык и ударился он, считай, об угол – так что аж искры полетели...

Сдвинув вниз вонючую, пахнущую едким потом пыльную кашиду, Слепцов открыл глаза. Знакомо урчал мотор, выбиваясь из сил – здесь моторам и так не хватало воздуха, так еще приходилось ставить усиленные фильтры. Рядом сидевший на месте механика-водителя казак изо всех сил налегал на руль, пытаясь удержать тяжелую, бронированную машину на полотне трассы – верней того, что здесь считалось дорогой. Все было покрыто пылью, пыль была везде...

Надо вставать...

Выругавшись еще раз для порядка, Слепцов на четвереньках выполз из грохочущей теснины бронекабины, тряхнуло еще раз – но он был к этому готов. За пулеметом, развернутым влево дежурил казак, Бабицкий же смотрел влево, как и было положено. Их машина шла второй в конвое, поэтому стены пыли, в которой плыл конвой, была здесь не такой плотной, и можно было различить, где идет колонна. Получалось, что они только-только вошли в горы – значит, прикорнуть удалось на полчаса, не дольше. Но и то хлеб.

Хорунжий толкнул Бабицкого в плечо, проорал ему на ухо

– Где мы?!

– Прошли Лахедж!

Хорунжий хлопнул казака по спине в знак того что понял – пыль была такая, что не наговоришься – потом не откашляешься. Лахедж – это последний пункт на трассе, где есть блокпост, совместный, казаков и йеменской королевской гвардии, настоящая трехэтажная крепость у дороги, где были даже трехдюймовые пушки. Дальше, почти пятьдесят километров – темная территория, где не берет ни одна рация, и где невозможно поставить блокпост, даже усиленный танками – будут долбать, пока не раздолбают. Черная территория – и что там происходило – ведал только Аллах. Если им повезет сегодня – они проскочат. Если же нет...

Не повезло...

* * *

Словно шепнул кто на ухо, что будет – но было уже поздно. Все что успел сделать хорунжий – это вцепиться в борт бронемшины, крепко вцепиться и – земля на обочине, как раз напротив головной машины конвоя вздыбилась темным столбом разрыва.

Бронемашинка пошатнулась, но выстояла – а через долю секунды стремительно расширяющееся бурое облако из раскаленного воздуха, мелких камней и осколков накрыло их...

* * *

При нападении главное – первые десять секунд. Если выжил в эти десять секунд, когда у противника неоспоримое преимущество – тогда, наверное, будешь жить и дальше.

Когда впереди долбанул разрыв фугаса – казаки знали, что им делать, это было не первый раз, и уж точно не последний. Два ДШК развернулись сразу, открыли огонь по обозначившимся вспышками целям. Бешено вращая маховики наводки, расчет разворачивал в сторону цели, защищенную самодельной броней зенитную установку. Те, кого не оглушило взрывом, поливал длинными очередями склон, не удивляясь тому, что по броне не бьют пули – просто некогда было удивляться.

И прозевали цели. Настоящие, те, ради которых все и затевалось.

В противостоянии пушка – танк с тех пор, как на фронте появились первые бронированные чудовища, пока что выигрывал танк. Сейчас калибр основной противотанковой пушки

составлял восемьдесят восемь миллиметров у германцев, девяносто у британцев и итальянцев, сто семь у русских. Все это были орудия, переделанные из тяжелых зениток, и если еще в тридцатые пехота катала противотанковые пушки на лошади, а в критической ситуации и на себе – то сейчас для транспортировки требовался тяжелый, желателен дизельный тягач, а сам комплекс тягач-пушка по стоимости опасно приблизился к танку.

Ответом на доминирование танка и требование как то защитить от него пехоту стали первые противотанковые гранатометы. Первыми их изобрели в САСШ и почти сразу скопировали во всех основных мировых державах. В Германии это был Панцершрек, в России РПГ-1, довольно самобытная конструкция, в которой были скопированы только технические решения по головной части ракеты, а все остальное было своим. Британцы обходились странной конструкцией, что-то типа двухдюймового миномета-бомбарды, стреляющего кумулятивными зарядами, как и все британское оружие это было замысловатым и с низкими характеристиками. Но так получилось, что британцы первыми в мире додумались до управляемого противотанкового снаряда – четыре такие установки как раз и были установлены на правом, противоположном...

* * *

Хорунжий с трудом поднялся – в голове словно пели миллионы цикад, двоилось в глазах. Сильно, до омерзения сильно пахло гарью, порохом и кровью, вывернутыми человеческими внутренностями. Запах боя...

– Цели слева! Слева, твою мать!

Одного взгляда хватило, что бы понять – не жилец. Казак, дежуривший у счетверенного пулемета был мертв, он находился выше всех их в момент взрыва и ударная волна не пощадила его – не спас даже большой, самодельный щит. Он нелепо свисал с сидения, что-то мерно капало вниз, на пол и пулемет молчал – а по кузову градом стучали пули.

А вот водитель был жив – именно он и кричал. Приоткрыв дверь, он лупил в сторону склона из пистолета-пулемета с барабанным, емким магазином, хрипло крича и матерясь во весь голос. Он не знал, жив ли кто в кузове, возможно, он остался в живых один, защищенный броней – но он дрался до конца, намереваясь продать свою жизнь подороже. И ему, хорунжему войска Донского не дело отлеживаться...

Хорунжий, подползая на коленях к установке, толкнул мертвого казака, удивляясь, какой он тяжелый – но он не поддался.

– Твою мать!!!

Он крикнул больше для того, чтобы убедиться, что у него есть голос и он может кричать. Еще толчок, хорунжий налег всем телом – и спихнул-таки неподатливое тело с сидения. Бабицкий неподвижно скорчился у левого борта, было непонятно – жив он или нет. Так, стоя на коленях, хорунжий развернул установку – по щиту сразу ударило несколько раз, быстро и сильно, как молотком. Но весь огонь велся слева, со стороны склона – и щит защитил его...

А потом он нажал на спуск – и счетверенный пулемет заговорил, разрезая свинцом пространство...

* * *

– Shit!

Капитан уже считал эту машину, идущую второй в конвое мертвой или почти мертвой – один казак все же стрелял, снайпер никак не мог нащупать его – когда стоявшая в кузове счетверенка вдруг развернулась и...

Он испугался. Впервые в жизни капитан испугался. Он никогда и ничего не боялся с тех пор, как себя помнил – ни когда он верховодил компанией хулиганов в нищем районе доков – они ходили в порт каждый день на охоту. Ни когда перед ним поставили выбор – либо военное училище, либо тюрьма. Ни когда он схватился с двумя ублюдками с четвертого курса – их было двое, и каждый из них был едва ли не вполтину тяжелее его, мелкого и тощего беспризорника

с лондонских улиц. Но у него был осколок стекла, он всегда, в любом месте первое что делал – это доставал какое-нибудь оружие, любое, просто для того чтобы выжить или по крайней мере подороже продать свою жизнь. А против него в этот раз были не такие же, как он уличные, против него были аристократы голубых кровей – и он в эту ночь убедился, что их кровь такая же красная, как и кровь других людей. Он не побоялся и набора в SBS – туда набирали как раз таких как он, кто не ценил свою жизнь ни на соверен, а чужую жизнь ценил еще меньше...

А вот сейчас он по-настоящему испугался. Милтон почему то медлил с залпом, колонна продолжала отстреливаться. Им так и не удалось нормально подорвать первый заряд – надо было подорвать головную машину охранения, а они подорвали проклятый грузовик, чадящий сейчас на всю дорогу. И эта проклятая счетверенка это зенитный пулемет, который так и не подавили...

Струя свинца прошла правее, его осыпало каменной крошкой, выбитой пулями из склона горы – а он лежал, боясь даже пошевелиться, и перечислял все проклятья, какие только помнил и какие выдумал только что. Все шло намного более хреново, чем они предполагали – и возможно, настало время делать ноги.

И тут сработало. Несколько шаровых молний рванулись со склона горы, разрезая пелену дыма – и почти одновременно врезались в борта еще плюющихся огнем машин казаков. Та, на которую смотрел он, не загорелась – русские делают машина на дизелях, проклятые дизели им передают немцы, их так просто не подожжешь – но оба пулемета, в том числе и эта проклятая, так напугавшая его счетверенка, едва не отправившая его в края доброй охоты, моментально заглохла...

Вот так вот... Разом – накрылись все. Новое оружие и впрямь действует – и действует как надо. Интересно только – сможет ли эта штука остановить танк. Но это уже не его проблема – полевое испытание проведено, результаты получены (в числе британцев был даже кинооператор, снимавший бой на восьмимиллиметровую пленку) – и теперь надо было сматываться.

Он встал в полный рост – настоящий британский джентльмен, ступивший на землю, которую у них подлю и вероломно отняли, воспользовавшись их слабостью – и бросил последний взгляд на догорающую колонну. Он приказал не добивать грузовики с товаром – черт с ними, его интересовали только казаки и их машины. Это была честная игра, игра без поддавков, игра с очень сильным, опытным противником – и он выиграл ее. Завтра, когда он будет уже на борту корабля Ее величества – он поднимет бокал за души павших здесь – и своих и чужих, без разницы. Но это завтра, а пока... пока надо быстрее сматывать удочки.

Человек сделал шаг, потом еще шаг – и понял, что тот шум, который он слышал уже несколько секунд и не придал ему никакого значения – это вой двигателя пикирующего на них самолета.

* * *

– Сэр?

Человек в серо-буром, пятнистом тропическом камуфляже, прикрывшись накидкой, лежал на каменистом склоне – примерно в двухстах метрах дальше по дороге от головной машины, сейчас лежащей на боку и чадно горящей – и жадно, старясь не упустить ни единой подробности, смотрел в морской, старого образца бинокль на разгорающийся внизу бой.

– Что?

– Сэр, они накрыли четвертого. Случайно – прямо в установку. Доусон мертв.

– Убрать все – приказал человек, не отрываясь от бинокля. Начинайте отсчет. Ничего не оставлять, ни единого осколка.

– А Доусон, сэр?

– Если не сможем утащить – бросим его.

Таковы были правила SBS – жестокие, бесчеловечные – но альтернативы им не было. Каждый знал, на что он идет.

– Есть, сэр.

– Крибли – обеспечить отход. Надо с этим заканчивать.

– Да, сэр.

Нарастающий с каждой секундой вой появился внезапно и обрушился на них подобно лавине. Самолет заходил со стороны солнца, они даже не видели его. Только пули, перепавшие враз их позицию и их самих.

* * *

В пулеметах было еще достаточно свинца, чтобы кусануться как следует – что и сделал князь Шаховской. Он заходил слева – поэтому, после разворота ему оказалось выгоднее и удобнее пропахать именно правый склон холма. Что он и сделал, щедро полив его из двух крупнокалиберных пулеметов, два он отключил, экономя боезапас – все же он не ожидал столкнуться с противником, расстреливающим колонну, тут нужна была как минимум пара тяжелых штурмовиков, чтобы все причесать как следует. Вихрем пройдясь над позициями противника, он ушел в зенит, развернулся – и кинулся уже на левый склон, строча из двух других пулеметов. Патроны сейчас кончатся— но казакам, колонновожатым он поможет...

На приборной панели загорелась лампочка, свидетельствующая об исчерпании боезапаса, он исчерпался раньше, чем он рассчитывал, и на половину склона не хватило. Но тут, прямо рядом с кабиной пронеслось что-то, подобное молнии, стукнуло по крылу, самолет трянуло, и только тогда капитан понял, что дело совсем худо...

Резкий рывок в сторону... давай, только не рассыпья в воздухе... педали трясутся, но самолет все-таки подчиняется. Подчиняется.

Снизу забарабанило, сыпануло горохом – но он выровнял таки машину, по нему почему то не стреляли. Оглянулся – никого, только чистое небо. И только оглядевшись как следует, понял – дрянь дело...

Это были СиФьюри. Два проклятых серебристых СиФьюри, взлетевших с авианосца, видимо по сигналу и моментально достигшие места боя. Ну да, что им – у них скорость на форсаже почитай в два аза больше, чем у него. Потому-то они и долбанули по нему без подготовки, не прицелившись как следует, потому-то сейчас он и не увидел их у себя на хвосте – проскочили, у них скорость сваливания³⁰ едва ли не больше, чем у него максималка. Сейчас развернутся, сделают вираж, и парой его добьют, вон куда пошли... твари...

Две серебристые рыбки, держась парой, действительно разворачивались влево, заходя на широкий вираж. Что будет дальше – не надо быть гадалкой, чтобы предсказать, зайдут сверху в хвост и все. Отлетался

Удивительно – но князю Шаховскому даже в голову не пришло покинуть самолет, как это предписывала боевая обстановка и правила. Самолет был не его, он принадлежал его сослуживцу, товарищу, и он просто не мог его разбить.

Еще доворот, еще... Если он не может от них убежать – значит, надо сделать так, чтобы они не смогли по нему прицелиться. Если они быстрее его, значит... он медленнее их! Какая у этого штурмовика скорость сваливания... сто восемьдесят? Сто девяносто? Пусть будет сто девяносто.

Поставив газ на минимум, удерживая трясущийся штурвал, Шаховской направил самолет в сторону гор, в ущелье. Это тут, в небесной выси вы такие храбрые – а как насчет Аденского нагорья? Там – сможете?

Самолет немилосердно трясло, на панели приборов перемигивались красным контрольные лампы – с двигателем было уже неладно. Совсем неладно. Он вошел в ущелье, снизился ниже его пиков, по обе стороны мчались бурые склоны скал, сливаясь в размытое бурое пятно.

³⁰ имеется в виду скорость сваливания в штопор.

Возможно, он совершил ошибку – лишил себя и машину возможности маневра. Хотя... какой тут маневр против двух то СиФьюри.

Тр-р-р-р... Как пилой – только вспышки на правом крыле, самолет просел, его затрясло как в лихорадке. Британский пилот промахнулся – очередь пришлась по крылу. По бронированному крылу – но очередь из пушки есть очередь из пушки. Без последствий не бывает. Сейчас получше прицелятся и...

Капитан нервно оглянулся в очередной раз, самолет еле полз по ущелью – но британцев не было. Их не было в воздухе, этих двух проклятых серебристых рыбок, которые вдвоем задумали разобраться с одним тихоходным и почти беззащитным против них штурмовиком.

Самолет тряхнуло еще раз – князь увидел, что с поврежденного крыла что-то оторвалось. Двигатель работал все тяжелее – видимо, что-то с радиатором. Проклятье, чужая машина...

Над самой головой что-то мелькнуло, капитан оглянулся – но не увидел это, он летел по-прежнему в ущелье и почти не имел обзора. Надо выбираться из этого ущелья, здесь не сесть. Нужно сесть хотя бы на воду... да, на воду. Будет самое то, самолет успеешь покинуть.

Но это же чужой самолет...

Капитан принял штурвал на себя, пытаясь вывести самолет повыше, но это привело только к тому, что он едва не перевернулся, рули высоты на левом крыле не подчинялись и какое-то время он летел как во время акробатического воздушного этюда, с крыльями перпендикулярно земле. Потом все-таки выровнялся.

Судьба пощадила его – самолет внезапно вывалился на побережье, прошел Аденское нагорье и вывалился на побережье, избитый, но живой, едва не чиркнул о горный хребет своим брюхом. Впереди был залив с кораблями, военными и гражданскими, почти под брюхом – приморское шоссе, забитое транспортом – узкая полоска суши, с одной стороны небольшая бухточка, с другой стороны открытое море, во время сильных штормов водяные валы переклеивали через дорогу.

Соляные копи...

Большое, почти безжизненное пространство, покрытое солью, прямое и твердое, вполне пригодное для аварийной посадки самолета – оно было совсем рядом, по правому борту, почти что под крылом. Тут добывали морскую соль для косметических салонов, но дело только началось, и большая часть соляного поля была нетронутой.

Капитан повернул штурвал, заходя на посадку, руля направления самолет слушался. В этот момент двигатель зачихал, задергался... все. Один заход. Только один заход – второго не будет. Шасси... а хрен с ними, с шасси, справа явно не выйдут, правое крыло чуть не отваливается. Только шторки радиатора закрыть... еще крепление фонаря ослабить, чтобы быстро выбраться, ну...

Самолет со страшной силой ударился оземь, его поволокло по белой соляной глади, с треском отлетело крыло, самолет завертело. У капитана потемнело в глазах...

* * *

– Господин штабс-капитан, господин штабс-капитан!

Зам командира роты бронекавалеристов по боевой подготовке, штабс-капитан Смирницкий Борис Иосифович, только собиравшийся закурить, от неожиданности дернулся и сломал спичку.

Последнюю, больше спичек у него с собой не было.

Достав сигарету изо рта, он сунул ее обратно в портсигар – можно было бы и выбросить, да вот только сигарет хороших здесь... днем с огнем, в общем. Кальян здесь курят, тонкой папиросной бумаги в продаже нет, надо заказывать да втридорога. Может, тоже начать кальян курить?

– Что имеете сообщить Бураков?

Вольноопределяющийся Бураков, неплохой, кстати, специалист, хоть и молодой совсем, подбежал к бронированной командирской машине придерживая рукой новенький – две недели назад перевооружили полностью – автомат.

– Господин штабс-капитан, я нашел там, на склоне что-то непонятное. Надо бы и вам осмотреть.

Да, надо на кальян переходить...

– Пошли, взглянем...

Штабс-капитан и вольноопределяющийся пошли к склону – пошли мимо исклеванных пулями машин, мимо ругающихся казаков, которым уже оказали первую помощь, и которые ждали собственного, казачьего конвоя, чтобы оттащить машины, верней то, что от них осталось к себе на базу и заняться там их ремонтом. Конвой уже ушел, его взяла под охранение часть штабс-капитана Смирницкого, шесть бронемашин, армейских, должно хватить, тем более что самый опасный участок, можно сказать, прошли, с потерями, но прошли. При себе штабс-капитан оставил только две машины – командирский БТР и мобильная зенитная установка на полноприводном шасси с обстрелом на триста шестьдесят пять градусов, приспособленная для того же дела – для проводки колонн и борьбы с бандформированиями. Если кто сунется – то спаренная тридцатимиллиметровая пушка Эрликон³¹ – быстро покажет, что к чему...

При себе он оставил примерно полтора взвода солдат – но хорошо вооруженных и со связью, при необходимости они продержатся достаточно времени, чтобы на подмогу пришли штурмовики из Саны. Да и какой смысл на них нападать – колонна то ушла, поживиться нечем.

Пахло горелым...

– Двухсотых сколько нашли?

– Сколько... не пойдем, то ли двоих, то ли троих...

– То есть?

– Летун хорошо их причесал. Всмятку, по кускам собираем.

Штабс-капитан поморщился

– Остальные ушли, получается?

– Да как сказать. Крови то много нашли на камнях, есть следы волочения, есть и перевязочные средства. Бинты с кровью, упаковки из-под перевязочных пакетов.

– Чьи?

– Шведские.

– Понятно...

Нейтральная страна... само по себе о многом говорит. Шведское королевство... живет своим нейтральным статусом, контрабандой. Там есть неплохие оружейные фабрики, оружие продают кому не попадя. Значит – из-за кордона гости были, бандиты бы русское использовали, найти несложно, это тебе не патроны...

Они поднимались по склону, каменистому и поросшему чахлой травой. Привычно поднимались – непривычный с непривычки споткнется...

– Вот, смотрите, господин штабс-капитан.

На камнях была кровь. Много крови. Вились непонятно откуда взявшиеся мухи.

– На что смотреть?

– А вот...

Вольноопределяющийся поднял почти незаметный на склоне провод, тонкий, протянул его штабс-капитану. Тот принял его, нахмурился, посмотрел, куда он ведет, в обе стороны.

– Не телеграфный... Много таких?

³¹ В нашем мире не существовала. Та же пушка Эрликон, только русского заказа и под русский же калибр. Швейцарская фирма Эрликон снабжала авиационными пушками и зенитными установками половину мира и ничего такого в этом не было.

– Я нашел три. Все три ведут в одно и то же место – от позиций тяжелых гранатометов к машинам. Все три.

– Ты хочешь сказать...

– Гляньте отсюда, господин штабс-капитан. Не видно, чтобы машины долго обстреливали. Каждая из них получила по заряду, причем сразу. С первого выстрела. Конечно... скорость у колонны здесь никакая, я бы мог сказать, кто из наших поразит цель с первого выстрела... но чтобы сразу три и без вариантов. По-моему, это какой-то провод управления.

– Управления чем?

– Снарядом, господин штабс-капитан. Здесь применили какое-то новое оружие, снаряды, управляемые по проводам. На всех позициях стрелков – следы сильного взрыва, как будто они что-то уничтожили подрывными зарядами. Что-то, что не должно было попасть к нам в руки – а они это вынести не могли, потому что у них на руках были раненые и убитые. Нужно вызывать контрразведку из Багдада, господин штабс-капитан.

Смирницкий посмотрел вдаль, на горные хребты. За ними было море, в море были британцы. Происходящее здесь всем порядком поднадоело. Сам штабс-капитан ломал службу здесь уже девять полных лет.

– Да... Бураков, вы правы. Нужно...

НАЧАЛО. Десятью годами ранее. Адана³², бывшая Османская Империя. База стратегической авиации. Май 1939 г.

– На озеро поедем?

Гришук, матерый, отслуживший здесь уже четыре года ефрейтор – услышав это, только хмыкнул

– Тебе до озера еще д... ить и д... ить, салага. Ты вообще, откуда про озеро знаешь?

– Да говорили тут...

Четкий шлепок подзатыльника

– За что?!

– Меньше слушай...

Гришук, конечно, тот еще фрукт. Если бы командир ему потачку не давал – давно бы в дизель зарулил. То есть – в дисциплинарный батальон, куда-нибудь в Палестину. Или еще куда-нибудь, куда Макар телят не гонял. Там, где только солнце, мухи, жара и местные, так и норвящие сунуть нож в спину. Здесь, по крайней мере, не так: море рядом, дышать можно, а местные – большинство не мусульмане, а армяне. Турки здесь треть, наверное, даже меньше, остальные армяне и греки, православные. Их в свое время русская армия от резни спасла, они под волю Государя Императора добровольно пошли, а не как турка. И христиане, к тому же, как и греки. В город выйдет русский офицер – до сих пор старики находятся, которые на колени падают, руки целуют... неловко даже. В любой таверне – скидку сделают, а то и бесплатно покормят. Понимают, что уйдет русская армия – кончит их турка. Как есть кончит.

Но теперь – точно не уйдет. Вон, какую махину отгрохали. Главная взлетка три с половиной, запасная три ровно. Бетон гладкий, чистенький, белый и такой крепкий – ничем его не возьмешь. Ангары построили... сейчас тут ровно двенадцать машин. Одна фаланга³³, но строительство еще не окончено, говорят, тут целая эскадрилья будет. Место, по крайней мере, для нее построят. Место то больно знатное. Пятьдесят километров – и Средиземное море. А в море – англичане...

Так что такие деньги вбухали – точно никуда не уйдет. Заметано. Железно.

Командир тут новый, как и все летуны – заносчивый, тем более аристократ. Пушин, Николай Николаевич, числящийся свою родословную еще с рюриковых времен, а так – вертопрах и позер. Летчик, одним словом. Вот из-за таких как он – и распустили персонал в наземных частях, распустили. Офицеры – ведут себя так, как будто БАО³⁴ совсем не имеет к ним никакого отношения. А для того, чтобы не было проблем – дали волю годковщине³⁵. Никто ничего не хочет знать, пока что-то совсем уж сурьезное не учинится – смертоубийство, например. Но деды тоже предел знают... пока не напьются. А как не напьются, коли в этом месте почти все виноделие Турции и обособлено? Полно всего – виноград на вино идет, а из выжимок гонят самогонку. Офицеры ее граппа называют, но это навроде как самогонка. Особливо, если

³² Эта база существует и в нашем мире, только называется Инжирлик. Город Адана – расположен в восьми километрах от базы, город Инжирлик – немного ближе.

³³ Три стратегических бомбардировщика (обычный состав самолетов отправляющихся на одно задание) – эскадрон. Три эскадрона – фаланга. Три фаланги – эскадрилья. Три эскадрильи – эскадра. Три эскадры – воздушный флот. То есть в одном флоте – двести сорок три машины.

³⁴ Батальон аэродромного обслуживания.

³⁵ Срок службы составлял пять лет. Поэтому – была не дедовщина, а годковщина, статус изменялся не раз в полгода, а раз в год.

удастся стырить спирта. В авиации спирт применяют, тут полно приборов каких-то. А техники, если за ними не присмотреть – используют ацетон, а не спирт.³⁶

– Вы лучше вот чего? Откуда комэск о бухле узнал?

– О каком бухле?! – недоуменно спросил Борисов, тоже салага, и недовольно скривился – Грищук ударил его по ноге, прямо по кости. Это «футбол» называется. А есть еще лось – это когда руки перед лбом выставляешь, навроде рогов, а старик – бьет. Или телевизор – это когда подушку прижимаешь к груди, а старик с разбега пробивает ногой. Или колыбаха – это когда кладешь голову на табурет, а старик с размаху подушкой. Старики – они такие...

– Ты мне баки не забивай, салага. У третьего капонира которое было припрятано. Вы настучали, с...?

Суть дела была проста как три рубля. С базы – отлучаться можно было не всем, а только офицерам, офицеры же ездили свободно. А выпить – хочется всем. Вот старослужащие – после получения очередного денежного довольствия отобрали его у салаг и чижей и упросили одного из офицеров купить в городе несколько бутылок этой самой граппы. Переплатили, как без этого, какой офицер будет за так помогать. Привезенную граппу-самогон спрятали у третьего капонира, присыпали землей. А вчерась – полковник Ладецкий, который тут за охрану отвечает и за режим – это все нашел, приказал согнать личный состав с бодрянки³⁷

³⁶ Знакомая проблема. А потом – приборы можно отправлять на свалку. В ВВС СССР был даже напиток такой – самолетовка.

³⁷ Бодрствующая смена, не находящаяся на боевом дежурстве. В БАО смены три. Восемь часов дежуришь, восемь бодрствуешь, восемь дрыхнешь. Так и служба идет...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.